



ИЕРАРХИЯ УГРОЗ

ПУТЬ В ПУСТОТЕ

Данила Скит

Данила Скит
Иерархия угроз -
1. Путь в пустоте
Серия «Иерархия угроз», книга 1

*<https://litres.ru/74032576>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Майер устал от бесконечных интервью, будто от него зависела судьба вселенной. На самом деле от него не зависела даже судьба человечества.

«Телепорты помогут решить глобальные задачи. Голод, нищету, дальнюю дорогу. Как вы думаете, какая проблема в мире сейчас самая насущная?» — спрашивали его раз за разом.

«Телепорты и есть самая большая проблема», — опуская руки, отвечал ученый. — «Я не изобретатель решения всех проблем. Я — изобретатель конца света».

Невидимые твари, прошедшие через телепорты, заставили человечество бежать. Их невозможно увидеть, их невозможно достать. Они застряли в межмирье. И они слишком голодные, чтобы экономить пищу.

Путь лежал к Марсу.

И он слишком затянулся.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Черная плесень	25
Глава 2. Тишина после залпа	51
Глава 3. "Красные"	70
Глава 4. Дом там, где мы	86
Глава 5. По рукам	109
Глава 6. Колдун	126
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Данила Скит

Иерархия угроз -

1. Путь в пустоте

Пролог

— Откройте дверь.

— Оставьте его, он умирает.

Сегодня ночью Эскекиалю снова снилась атомная война. Сквозь лихорадочное забытьё расцвел исполинский ядерный гриб, уперевшись тяжелой шапкой в испуганное небо. Он был похож на облака: серые, тяжелые, огненные, проросшие из глубин самого ада.

Насколько он далеко? Эскекиаль отвернулся, не желая гадать, и бросился прочь от неминуемой гибели. Когда его настигнет огненное марево, уже не будет иметь смысла, иллюзия это или реальность. Станет больно, как наяву.

В пятки впивались острые камни, и сухая пыль забивала горло. Во сне ноги почти не слушались, словно вязли, вязли в горячем воздухе, мешая сделать следующий шаг. Эскекиаль знал, что находится во сне, и все равно бежал и падал, вставал и снова бежал, каждый раз.

Его собственная тень всегда была длинной, а теперь она,

казалось, доставала до подножия далеких холмов. Значит, стало ярче, значит, его вот-вот догонит ветер ядерной волны, расплавит сетчатку и заставит кровь закипеть в жилах. Воздух уже раскалился. Легкие выжигало, слюна в горле стала горячеей, словно кипяток. Больно. Эскекиаль ступил пяткой в глянцевую лужу — гладкую, похожую на зеркало, и такую же спокойную. Она словно врезана в сумеречно-огненное видение, покрытое оранжевой пылью. Везде — пыль, покрывающая старую пленку его несуществующих воспоминаний. Вода в луже оказалась горячеей, и он отдернул ногу. Русые волосы развевались под натиском ядовитого ветра, царапая кожу и забивая глаза. Эскекиаль упал на колени и завыл. Больше нет сил. Волна настигла его. Он не стал оборачиваться, чувствуя ветер горячими волдырями на коже. Сгорбился над лужей и широко раскрыл глаза. Когда волна ударила в спину, все вокруг залило ослепительным светом.

Камни взметнулись вверх, трескаясь пополам и превращаясь в пустоту. Низкие дома со смешными крышами из глиняной черепицы уносились вдаль, словно сделанные из горстки пыли. Воздух закипал и плавился, жилы рвались прямо в теле, лица людей искажались, теряя кожу и мышцы. На гримасах ужаса проступали костяные улыбки, будто те радовались собственной смерти. Эскекиаль взглянул вниз, в глянecь закипающей лужи под ногами и закричал. Его лицо не отразило крика. Теперь оно похоже на все остальные — такие одинаковые, без глаз и души. Когда он увидел костяную улыбку

ку на своем лице, судорожно вдохнул раскаленный воздух и сразу проснулся.

Поднять веки оказалось гораздо проще, чем снова сомкнуть их, ломило кости и горели глазные яблоки в глазницах. Эскекиаль не знал, насколько правдив его сон, он никогда не видел ядерную волну воочию. Слишком уж долго он ощущал горячий ад, прежде чем тот распылил его до костей. Ядерная волна не оставляет столько ужаса в памяти перед тем, как убить. Наверное, наверное. Зато при пробуждении ничего толком не поменялось: все тот же жар, все та же безысходность.

Мужчина откинулся на спину, взглянув на белый потолок без единых щербинки и пятнышка. Его принесли люда крепкие руки медбратьев, бросив на жесткую кровать сгорать в лихорадке. Еще долго Эскекиаль созерцал неподвижными глазами белоснежные стены, обтянутые мягкой тканью, прежде чем смог встать и оставить на них кровавые борозды от собственных пальцев. Отпечатки походили на засечки заключенного, где каждая красная полоса — очередной сгинувший в горячке день.

Это место походило на тюрьму. Голая кровать с жесткой подушкой, от которой болела голова, ровно под его рост — метр девяносто, белая тумба с покатыми углами, отхожее место и маленькая раковина — вот и все, что находилось внутри его тюрьмы. Нет, не тюрьмы. Могилы. Однажды с ним случится то же, что и с остальными. Сон станет явью, а от

него не останется ничего, кроме костей.

Дневной свет робко прорывался сквозь узкую прорезь над высоким потолком, прямо напротив входной двери. Другого освещения здесь не было. Вся электроника перегорела еще в первый день его прибытия: слепящие лампы на потолке замигали и зашлись искрами, датчики считывания физиологического состояния треснули, как только коснулись его кожи, камеры выключились с осуждающим щелчком. Даже унитаз отказался служить ему — система слива приказала долго жить сразу же, как он попытался помочиться. Никто не стал его чинить.

Где-то вдалеке раздался крик.

оставьте его, он умирает в который раз фраза была адресована не ему. Надолго ли? Эсхекиаль слышал, как открылась дверь через несколько комнат, и медбратья вынесли наружу бездыханное тело. Врачи спокойно проследовали за ним, обсуждая нюансы безвременной кончины.

— Слышишь, приятель? Эти идиоты думают, что я умираю, — кто-то оскалился в соседней комнате — Эсхекиаль слышал, как натягивается кожа на его зубы. В больнице толстые стены, не пропускающие шепота и крика, только слух Эсхекиаля обострился еще с неделю назад. Крысы слишком громко топали по сточным трубам, ночные вздохи обрушивались на голову шквалом ветреного цунами. Иногда ему казалось, что он действительно сходит с ума. — Один сказал, что с такой дозой алкоголя в крови меня можно нести на

кладбище. Чудо, что я еще способен дышать. Объявили это с такой радостью, будто я должен наложить в штаны от счастья. Тут все сплошные идиоты. Что врачи, что ты, что я. Да, вчера я был пьян как свинья, но сегодня-то трезв, как стеклышко. Только кое в чем они все-таки правы. До завтра я точно не доживу.

Подтянувшись к краю костлявыми пальцами, Эскекиаль свалился с кровати. Тонкие, с распухшими круглыми суставами, они задубели и почти не слушались. Воздух в его легких превратился в раскаленный свинец, когда истощенное тело шмякнулось о холодный глянцевый пол. Его до сих пор лихорадило.

Еще вчера он потел, заливая простыни в безумной горячке, мечтая, что пот охладит его. Сегодня кожа высохла и истончилась, словно тысячелетний пергамент на солнце. Стоило неловко повернуться, и рваные раны покрывали измученное тело. Кто-то из медбратьев сказал, что он похож на утопленника — бледный, со вспухшими пальцами, и с глазами, изрытыми красными нитями лопнувших капилляров. Наверное, они никогда не видели утопленников. У тех совсем иные глаза — стеклянные и пустые, а у Эскекиаля они наполнены болью.

Конечно, они говорили это не при нем. Никто еще не знает, что он слышит через стены. Никто кроме его соседа.

— Кто ты? — прошептал Эскекиаль, прижимаясь ухом к обшитой войлоком стене. Его обветренные губы еле двига-

лись, сухая кожа потрескалась, когда он ими зашевелил. — Я тебя раньше не слышал. Тебя привезли недавно?

— Очень громко, — пожаловался мужчина за стеной. — Голова трещит от такого ора. Не говори ты лучше думай. Мои перепонки лопнули еще утром, так что от твоего языка толку меньше, чем хрен у хорька. Кхе-кхе. Кровь из ушей течет... они привезли меня вчера и затолкали сюда. Я валялся на обочине дороги.

Всю ночь Эскекиаль провел в сухой лихорадке, спасаясь от атомного ветра и не замечал, что творится вокруг. Его спасло пробуждение, спрятав ядерный взрыв за тонким пологом реальности. Объективная реальность — единственное, что стояло между ним и разрушительной стихией.

Сквозь стену потянуло резким смрадом вчерашнего алкоголя, успевшего раствориться в кислом поту. Тот, кто находился по ту сторону, еще недавно был пьян до потери сознания. Сейчас остался только едва уловимый запах перегара — лихорадка выжгла весь спирт до молекулы, не дав незнакомцу ни забыться, ни умереть. Бывали времена, когда Эскекиаль точно так же упивался вусмерть, чтобы заглушить боль и резкие звуки, вгрызающиеся в измученный слух. Тщетно он возлагал надежды на крепкое вино. Оно не помогало ему точно так же, как и всем остальным. Сколько бы он не пил, хмель не приживался в его теле.

— Ты тоже их чувствуешь, приятель? — прохрипел сосед и зашелся булькающим смехом. Он все еще скалился, при-

пав голой спиной к стене, и слишком складно говорил для итога, у кого недавно лопнули перепонки. Эсхекиаль слышал трение кожи о мягкую ткань, и мерные удары затылка о стену. — Проклятые твари повсюду. Прямо как тараканы, хотя этих я сыскал всего двух, и на вкус они просто отвратительные. Говорю тебе, пришельцы хотят порешить нас, пока мы слабые, как цыплята. Что мы можем сделать? Драться голыми ребрами и кидать в них раскаленное дерьмо? Рано, слишком рано они спешат, пока наша горячка не задала им жару. Когда кто-нибудь из нас научится с ней обращаться, вот тогда им конец. Чуют, сволочи, все чуют. Помяни мое слово, дружок, скоро припрется какая-нибудь тварь и спросит за все наши грешки.

«Ты о ком?» — подумал Эсхекиаль, хотя прекрасно понимал, о ком говорит мужчина. Он все еще пытался обманывать себя, не видеть и не слышать, придумывая горячечные оправдания навязчивым видениям, слуху, острее, чем у дельфина, коже горячѣй, чем раскаленный металл под натиском полуденного солнца. Эсхекиаль искал оправдания с рвением боящегося правды. Несмотря на трупы, что выносили каждый день из белых стен.

Сначала он думал, что незнакомцы во тьме — тоже сон. Плод его воображения. Приходящие под покровом ночи тени сводили его с ума, стояли над кроватью, молчаливые и неподвижные, и смотрели на него стеклянными глазами без зрачков. Прозрачные шары в глазницах двигались в его сто-

рону, когда Эскекиаль ходил из угла в угол по своей келье, как запертый в клетке тигр. Они смотрели на него и чего-то ждали. Чего? — гадал иногда Эскекиаль, неужели им нравится смотреть, как он мучается? А потом они завели вокруг него смертельный хоровод, и ему стало трудно дышать. Тогда он понял: они выжидали момент, когда смогут убить. Упав на колени, Эскекиаль сжал в ладони деревянный крестик на четках так крепко, что дерево впилося в кожу и оставило кровавые следы. Слова молитвы срывались с дрожащих от страха губ, Эскекиаль и сам не помнил, о чем молился. Он читал все подряд. Когда над горизонтом разлилось алое вино рассвета, иеромонах открыл глаза и не увидел никого вокруг. На следующий день его охватила лихорадка, а еще через день его увезли. Эскекиаль даже не запомнил дороги — события стерлись под натиском бреда, жара и атомных снов.

Здесь, в стенах психиатрической больницы он тоже их чувствовал. Других, без прозрачных глаз и с телами совсем другой формы, но их было больше, и они были везде. Гораздо злее, гораздо прожорливей, и нападали не под покровом ночи, а когда придётся. Хоть утром, хоть днем — все зависело от злобности твари.

За время, что он провел в психиатрической больнице, к Эскекиалю еще ни разу никто не заявлялся. Они приходили к другим. Тем, кто был гораздо слабее него. Мальчикам-одноразовкам, поступившим с утра пораньше и сгоравшим уже к полуночи. Эскекиаль держался долго, он уже и сам не пом-

нил, сколько, и на него нападать боялись.

Каждый день мимо его камеры проносили бездыханное тело и молитвы уже ничем не помогали. И каждый раз Эскеиаль гадал, что же все-таки убило его товарищей по несчастью. Может быть, тени, потопившие в безумном хороводе их воспаленный разум? Или смертельная лихорадка, которая сожжет кого угодно, не оставив даже костей?

— Я думал ты умница, а ты, оказывается, идиот, — прокрипел смехом мужчина. Он все еще бился затылком о стену. — Ладно, не бери в голову. Это я так от жизненной несправедливости. Вчера ко мне забралась какая-то гадюка, ее, естественно, кроме меня никто не увидел. Думаешь, я струхнул? Парень с соседней камеры дал шептуна, когда к нему заявила шипастая тварь с длинным хвостом. А я нет. Не испугался. Слышишь? Конечно слышишь, что еще тебе остается? Теперь твое проклятье — слышать то, чего не хочется. Так вот, прихлопнул я пяткой эту дрянь, прямо так — пнул ее под потолок, а потом затоптал. А она возьми да проявись. Запачкала тут все стены. Так медбратья подумали, что я обмарался. Хех... недоумки. Всадили мне двойную порцию какой-то дряни и заставили убирать. А я и вправду бы наложил посреди беленьких стеночек, подправил, так сказать, им унылую палитру, если бы было чем... — Незнакомец ненадолго затих, а потом задумчиво продолжил: — Слушай я же ведь не против бросить пить и заняться чем-нибудь полезным. Цветочки выращивать мне уже поздно, но оторвать па-

рочку бошек этим безмозглым тварям я могу. Хотя бы за то, что в уши пытаются заползти, когда сплю. Неделю глаз не сомкнул. Не из-за них, правда но я оторву, только попроси. Но, видно, не судьба мне остепениться.

«Почему?» — у Эсхекиалья не было сил думать длинными фразами.

— Сказал же, помру сегодня, или оглох? — сосед шумно втянул носом воздух. — Может, оно и к лучшему. Не мое это. Ты лучше подходишь на эту роль, хоть и дурак. А я кто? Отсидел два раза и не стыдно ничуть. Не спрашивай, за что. Хотя чего скрывать? За то, что корову украл. Да-да, два раза одну и ту же. — Мужчина закашлялся, пытаясь засмеяться, и задышал тяжело. — Черт побери, как же больно — пауза. — К чему это я не выйдет из меня никакой дисциплины. Только помирать не хочется.

Отчего-то Эсхекиаль знал — не врет. Снедаемый жаром, ясновидением и чтением чужих мыслей, незнакомец не имел иного выхода, как говорить правду. В подобном состоянии ложь только тяготила, а правда — гора, которую хотелось сбросить с плеч.

За стеной что-то зашуршало, так оглушительно, что Эсхекиаль схватился за голову: как бы и у него не лопнули перепонки. Еще несколько громких вздохов, еще парочка упавших тарелок с пресной кашей где-то в глубине больничного коридора, и у него тоже хлынет кровь из ушей. Всего лишь легкое, едва уловимое движение незнакомца, сменив-

шего позу, и Эсхекиаль зажмурился от оглушительного грохота воздуха, рассекаемого его горячим телом. Новый знакомый встал на колени, прислонившись окровавленным ухом к белой ткани стен. Та сразу впитала его высохшую кровь, успевшую раствориться в поту.

Перед глазами Эсхекиаля тут же возникла картина мокрых волос, сально полоскавших воздух, длинных, почти до лопаток. Потрескавшиеся губы, дрожащие, словно пытались осилить улыбку, только выходил один оскал. Горячие дыхание, обжигающее даже через стену. И глаза. Да, глаза — большие, темно-карие и испуганные, заплывшие кровью лопнувших капилляров. Точно так же, как у самого Эсхекиаля.

Этого еще не хватало. Если он начнет видеть через стены, его мозг точно лопнет. Эсхекиаль не хотел иметь зоркое зрение, как не хотел слышать крысиный бег по ржавым трубам и последние вздохи мертвецов, зовущих в безумной горячке собственных матерей.

Эсхекиаль не хотел, чтобы незнакомец умер, как не хотел умирать сам.

«Ты не умрешь», — подумал он и тут же замолчал.

Слишком много сил уходит на глупую ложь. Каждого в этих стенах, скорее всего, ждет одинаковый конец. Хочет он того или нет, смерть не спросит, в какую ночь посетить их мягкую тюрьму.

— Помру-помру, не переубеждай. Я уже настроился.

«Лихорадка она всех нас убьет», — тяжело дыша, с горечью подумал Эскекиаль. — «Прости, прости но тебе повезло, что это будет не тень. Хотя бы они не смогут тебя достать».

— Кто сказал, что это будет горячка? Или тень? Нет-нет. Ничего из этой чуши. Я умру совсем по-другому.

«Как?»

— Ты меня убьешь.

В ужасе Эскекиаль отшатнулся от стены, выступающие от голода ребра тут же почувствовали холодный пол. Мужчи-на перевалился на спину, чтобы было не так больно. Тщетно. Позвоночник выпирал наружу рыбьим хребтом, и кости сразу же впились в кожу. Эскекиаль захныкал, как ребенок, явственно зная, что и здесь незнакомец не соврал ему. В последнее время он мог поймать крупицу правды в бесконечном потоке лжи.

Сколько прошло времени с тех пор, как он посмел лишить кого-то жизни? Слишком много, у него уже получилось не вспоминать прошлое, приходящее к нему разве что во снах.

«Ты что-то напутал», — в отчаянии подумал Эскекиаль. — «Напутал, напутал! Я умру здесь так же, как и ты. Мы вместе сгинем. Я так слаб, что не могу убить даже мышь».

— Клал я большую кучу на тебя и твое мнение, — незнакомец внезапно потерял к нему всякий интерес, отошел от стены и забился в дальний мягкий угол. Обхватил руками колени, сжал ткань на белых холщовых штанах и стал по-

качиваться из стороны в сторону. Эсхекиаль слышал скрип ткани под цепкими пальцами и слова, слетающие из обветренных лихорадкой губ:

— Две ходки и психушка, две ходки — истерический смех, ударяющий по вискам пульсирующей болью. — и психушка, две ходки — и так по кругу, будто незнакомец боялся замолчать, ведь пока он шевелит губами — живет.

Перевалившись на живот, Эсхекиаль встал на локти и попытался доползти до кровати. Правда, не знал, зачем. Матрас не уступал по твердости глянцевому полу с каплями засохшей крови. Пол хотя бы холодный, об него можно охладить горящие кости. Эсхекиаль оставил попытки и распластался грудью по полу, раскинув руки, как крылья.

Он не ел уже две недели, и не пил, наверное, дня три. Всего три дня, а кажется, что лихорадка испарила всю жидкость из его организма. Вены на руках вздулись и уплотнились, будто в них остался только сухой порошок вместо крови. Истощенное тело отвергало пищу, вода не лезла в горло, Эсхекиаль плевался и стонал, когда пытался сделать хоть один глоток. Горло стискивалось до размеров угольного ушка, не давая дышать, будто вода — его самый злой враг. Медперсонал пытался кормить его внутривенно, но все иглы ломались. Однажды Эсхекиалю пытались пробурить дырку над сердцем, чтобы пустить раствор прямиком по кровеносному руслу. Трубка отвалилась ночью и сгорела, дырка в том месте заросла за считанные минуты.

— Пить — Эсхекиаль с трудом пошевелил губами и не услышал своего голоса.

Он так хотел пить бутылка стояла на тумбе, ожидая, что он сделает глоток. Они всегда оставляли здесь одну — вдруг ему удастся все-таки немного выпить? Эсхекиаль каждый раз пытался и каждый раз терпел неудачу.

С огромным трудом он дополз до тумбы и протянул руку. В глазах потемнело, суетливые мушки забили взгляд, бутылка упала откуда-то сверху, сбитая дрожащими пальцами. Удар пришелся по голове, но Эсхекиаль почти не чувствовал его — тело ломило так, что реальность слилась в один большой клубок боли.

Самое время произнести его последнюю молитву. Одно время выходило шевелить губами, тихо шепча псалмы, и вроде как становилось легче. Годы в монастыре научили его находить утешение в молитвах, а сейчас, стоило ему разомкнуть губы, тут же начинало ломить кости и болеть кожа, ныли даже луковицы волос на голове. Сразу забывались все слова, и хотелось только выть. Лихорадка становилась такой нестерпимой, что атомный ветер начинал дуть наяву.

«Берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти» *, — испуганно подумал Эсхекиаль и перестал молиться. *(Исход 19:12)

Задубевшими пальцами он отвернул крышку и поднес бутылку к губам. Горло сжалось сразу, как почувствовало при-

косновение влаги. Эсхекиаль согнулся, забулькал, закашлялся и выпростал воду из горла прямо на пол. Зарыдать бы от отчаянья, да в глазах нет ни капли воды. Кожа горела, еще немного и вспыхнет, как белый фосфор. Смерть не казалась уже настолько ужасной. Там, за чертой, ему будет намного легче.

Дрожа, Эсхекиаль начал поливать голову из бутылки. Не выпьет, хоть станет чуточку холоднее. Как горит, боже, как же жарко. Вода потекла по щекам, устремилась на плечи, коснулась впалого живота и выступающих ребер. Эсхекиаль услышал шипение. Он поднял руку, наблюдая, как текут прозрачные струйки по коже и тут же исчезают, превращаясь в пар. Плеснул еще воды. На этот раз вода вскипела сразу. На третью попытку она превратилась в пар в нескольких миллиметрах от кожи минуя фазу закипания.

Эсхекиаль в ужасе таращился на руку. Он закричал бы, но горло тоже засохло.

— Кто здесь? — услышал он за дверью.

Настал его черед.

— Логинов Эсхекиаль Васильевич. Сорок два года. Кажется, он монах секунду.

— Откройте дверь. Сколько он здесь находится?

— Около месяца. Анамнез схожий.

— Месяц? Так долго?

— Да, оказался покрепче остальных.

Послышался грохот проворачиваемого замка и дверь от-

ворилась. Эсхекиаль испугался и метнулся к дальней стене, впечатавшись в мягкий войлок. Вцепившись в белую ткань до крови, он шумно вдохнул горячий воздух ноздрями. Очень горячий, словно раскаленная лава. Вода в унитазе закипела.

Первым вошел невысокий мужчина в белом халате, с уставшим задумчивым взглядом. За ним следовала женщина, с черным пучком на голове и широких очках, тоже вся в белом. Он помнил их, или нет? Может, они и представлялись ему, но горячка стерла все имена в его памяти. Ни одно из этих лиц Эсхекиалю не было знакомо. И ничего в этой тюрьме, кроме белого цвета.

Белый будь он проклят.

Два медбрата, на голову выше обоих врачей, встали у них за спиной.

— Зарос весь. Нужно привести его в порядок, — произнесла женщина-врач.

— Они не дают к себе прикоснуться, да и организм истощен гигиенические процедуры могут навредить.

— От ванны еще никто не умирал. Посмотрите, какой он лохматый.

Эсхекиаль и правду покрылся огромной шапкой растрепанных волос, борода спуталась и доходила почти до груди. Он не растил ее, она сама устремилась вниз, когда началась лихорадка. Сейчас он был похож на пещерного человека, впервые увидевшего себе подобных.

— Лихорадка очень сильная, — пояснил мужчина, — Делать сейчас что-то не имеет смысла. Нужно сначала сбить температуру, но ни один препарат не дал результата.

— Парцелин пробовали?

— В первую очередь.

— Цифровые эргономы? Холодовые кодировки?

— Ничего не помогает.

— Хм какая у них температура тела?

— Пятьдесят четыре градуса.

— Сколько? — женщина спустила очки с переносицы и посмотрела на коллегу, как на умалишённого. — Вы, наверное, имели ввиду сорок четыре? Что уже невероятно.

— Нет, я имел ввиду ровно столько градусов, сколько сказал.

Женщина повернула голову, окинув Эсхекиаля холодным взглядом — от кончиков пальцев на ногах до взлохмаченной макушки большой головы, болтающейся на тонкой шее, словно спелая дыня.

— Я хочу убедиться, — сказала она.

— Нет нет — прохрипел Эсхекиаль, подняв руку, будто мог остановить их. — Уходите сейчас же

Уходите, вы превратитесь в пыль.

Он чувствовал, что температура повышается с каждым днем. Боялся, что однажды одна убьет его. Спалит в горячем огне, заставит кровь в жилах свернуться и забить сосуды. Но он почему-то не умирал, раскаляясь все сильнее и сильнее.

Теперь и вода кипит.

Эсхекиаль догадывался, почему так происходит. *Чем дальше они его окружали, чем ближе подходили, тем горячее он становится.* Тени плясали вокруг смертельным хороводом, но жар плавил их, словно пламя твердые глыба льда. Тени отступали и пробовали снова. Отступали и пробовали. Слабые тени. Никчемные. Не могут справиться даже с немощным скелетом, то и дело забывавшим собственное имя.

Потом они исчезли — наступило затишье. Слабые тени устали бороться с его лихорадкой. С тех самых пор температура застыла на одной цифре.

Сейчас она подскочила вновь. Резко, рвано, ужасающе.

Пришла новая Тень, в ужасе догадался Эсхекиаль. Она страшнее, чем остальные.

— Там, — Эсхекиаль указал дрожащим пальцем на то, чего и сам не видел за широкими спинами медбратьев. Там скрывался некто, знающий: потом монах будет сильнее, чем сейчас.

— Что? — спросил доктор, неловко оглянувшись. — Куда он показывает?

— Бредит.

— Нет там — Эсхекиаль знал, что скоро они увидят сами. Настало время, когда они все увидят.

Последний рваный вдох, упавший в горло раскаленным свинцом, и он услышал грохот металла, вонзившегося в хо-

лодный мрамор. Эскекиаль заметил стальное копыто, проломившее каменный пол. Тот разлетелся мелкой крошкой в разные стороны, ранив одного из медбратьев.

А дальше время замерло на месте, реальность отдалилась, и Эскекиаль слышал только истошные крики, глухие, словно они доносились сквозь толщу мутного стекла. Женщина с пучком на голове обернулась назад — к проему двери, где лежали раненые медики. Из ее ушей текла кровь. Падала вниз она так же медленно, как и все остальные, хотя врач успел забиться в угол и схватиться за голову.

Это не время медленное, в ужасе подумал Эскекиаль, это я слишком быстрый.

Оглушительный рев сметал стены и перепонки в ушах. Женщина закричала, размазывая кровь по щекам.

— Муааррр! — рык гигантского животного выбил облако пыли из белоснежных стен его тюрьмы.

В комнату лился ослепительный свет из коридора, и сейчас яркие лучи солнца очерчивали стальные свинцовые бокка, которые только-только становились видимыми. Солнечных лучей становилось все меньше — плоти все больше. Сначала они проходили насквозь невидимую тень, прозрачную, все равно что воздух, но потом начали застревать в грузном теле, как занозы.

Чем сильнее жар, тем плотнее тень. Моя лихорадка заставляет их обретать плоть. Зачем? Лучшие бы я не видел их, лучшие бы они ходили мимо и убивали тихо.

За грузным телом проявились угольные копыта. Они оставляли черные пятна копоти на сером мраморе. Наливаясь тяжестью, свинцовые бока огромного быка ломали проем и стены. Животное перевалилось с копыта на копыто и тряхнуло массивной головой, пытаясь сбросить с себя болезненный морок. Огромные ноздри сжимались и разжимались, выдыхая зеленый пар. Единственный рог, росший из широкого серебряного лба, раздваивался примерно посередине и расходился в разные стороны. Глаза животного были налиты кровью. Копыта били о пол, выламывая куски из твердого мрамора. Бык посмотрел прямо на Эсхекиаля и заревел вновь. Он его ненавидел. Эсхекиаль — источник нестерпимой боли. Он — единственный, кто может его изгнать. Убить боль, раздавить жалкие кости!

В груди запекло. Волосы на голове Эсхекиаля встали дыбом и вспыхнули оранжевым огнем. В комнате стало светлее, чем на чистом снегу в самом разгаре солнечного зенита. Это было ослепительно-белое свечение, совсем ни на что не похожее.

— Ааарркхр! — прорычал здоровенный бык, в последний раз ударил копытом о камень и ринулся вперед.

Перед взором возникли пепельные дома, словно сотканные из мечтаний и слез, и глаза, что смотрели из голых костяных глазниц. Атомный взрыв уносил их вместе с его лихорадочными снами.

В момент, когда бык ринулся вперед, ядерное свече-

ние уже достигло конца комнаты. Из глубины поднималось нечто, что превращало его сны в объективную реальность. Свечение поглотило тела, испаряя телесные жидкости, раскаляя воздух добела. Он даже не увидел их смерти, и криков тоже не услышал. Комната раздула стены и треснула. Морда быка исказилась в гримасе ярости и боли, красные глаза лопнули, разбрызгивая кровь, свинцовое тело потекло, металл зашипел на массивном теле. Бык бежал, плаваясь в прыжке. Серебряная морда начала испаряться так же, как люди, упавшие под копыта огромной твари.

Кошмар поднялся из глубин его разума и стал явью. Атомный ветер уносил материю, не оставляя после себя ничего, кроме беспросветного ужаса. Но на этот раз Эскекиаль не сдвинулся с места.

Дома из пыли костяные улыбки кровавые слезы, бьющие из пустых глазниц и его отражение, застывшее в зеркале боли.

Некуда бежать. Он не спасется от ядерного взрыва, превращающего все окружающее в ничто. Он и есть ядерный взрыв.

Глава 1. Черная плесень

— Уверен, что Лукас уже мертв. Двадцать лишних минут его не воскресят, — последний диод на костюме Эрнеста погас. — Лучше вернуться и взять побольше люменов. Здесь становится слишком темно.

Тяжелая сырость тоннеля липла к коже, где-то вдали капала вода.

— Быстро ты его похоронил, — произнес Неввид с ухмылкой, скрытой темнотой. — А когда погаснут люмены, пойдем за газовой лампой? Придется обратиться к корабельному завхозу. Это неравный бой, поверь мне.

— Почему? — без особого интереса спросил Эрнест.

— Скряга Дамьер жметесь тратить даже на живых.

— Значит признаешь, что Лукас мертв?

— Я этого не говорил. Просто у Дамьера статистика вместо сердца и жадность на месте доблести. А темноты боятся только дети.

— Я боюсь не темноты, а того, что в ней прячется.

Шедший впереди Эскекиаль остановился, силясь рассмотреть, что находится впереди. Только темнота. Позади сомкнулась точно такая же — густая, плотная, влажная, она оседала вязким налетом на пропотевшей от духоты коже. Прямой до оскомины тоннель показался Эскекиалю не таким уж сложным маршрутом, только совсем скоро придется

решать, куда повернуть. Эта хитрая тварь не так проста, как кажется. Направо, или все же налево? Дальнейший их путь зависел от плесени, налипшей на стенах и проводах. Для этого нужно было смотреть в оба, вот только монстр первым делом лишил их зрения.

Прошло больше десяти лет, как они взошли на борт военного корабля и покинули Землю под огненный рев воздушных монстров. Черная плесень — первая опасность после прорыва мегга-аномалии, которую Эскекиаль не понимал.

Противника всегда можно сжечь, и знакомые угрозы совсем его не тяготили. Привычная опасность кляцала уродливыми клешнями, стягивала упругие щупальца на хрипящих глотках, бросались ядовитыми иглами. Она распахивала зубастые пасти и присасывались к спинам липкими присосками. Чудовища были просты и понятны. Но то, что сейчас творилось на корабле, храмовнику совсем не нравилось. Все существо пришлых было нацелено на то, чтобы убивать и пожирать. Монстры никогда не налипали плесенью на стены.

Впервые она появилась, когда Эскекиаль обходил корабль в рамках очередного рейда. Ничего особенного, просто дежурный вызов Пламени из глубин собственного сознания. В момент, когда Пламя стало плотней, сила дотянулась до высоких потолков стальных коридоров и задрожала. Размеренный шаг провожал черный дождь, заливший пол позади него. Кто-то окрикнул Эскекиаля, сказав, что за ним тянутся капли черной массы, похожей на нефть. Тогда-то ее и за-

метили. Сила проявила то, что было скрыто от посторонних глаз, и потолки покрылись сплошным ковром из рыхлой плесени.

Черная и липкая, словно смола, она противно пачкала пальцы и больше не делала ничего примечательного. Проявителю не составляло труда пройтись ладонью по внешней стороне обшивки, чтобы выжечь ее до основания и не повредить внутреннюю проводку. Со временем плесень распространилась: в грузовой отсек, столовую, наблюдательную рубку и даже технический сектор.

На памяти Эскекиаля ни один монстр не походил на плесень. Все их части тела были собраны в одном месте. Острые, твердые, смертельные, они отлично полыхали в белой энергии его силы. Если убить чудовище однажды, оно сгинет в свой мир. Эскекиаль предполагал, что к чертовой матери. Во всяком случае, никто до сих пор не возвращался. А плесень появлялась. Снова и снова, в совершенно разных местах. В том, что она тоже является монстром, он ни секунды не сомневался. Чернота проявлялась только под действием Пламени, а все остальное время сидела тихо и маскировалась под воздух.

Через какое-то время Эскекиаль заметил, что она начала уплотняться. Кое-где обнаруживались прочные черные нити, потом он начал находить черные обрубки, больше смахивающие на горелые сосиски. А потом плесень принялась нападать.

Сначала был Джулани. Невидимые нити вонзились в его тело прямо в столовой, во время общей трапезы, и он своими глазами видел, как из него выкачали кровь. Тягучая и теплая, она повисла в воздухе, окрашивая невидимые нити монстра в красный.

За все свои шестьдесят лет Эскекиаль научился перемножать в уме четырёхзначные числа, а дважды два — и подавно. Монстр пришел в этот мир черной плесенью, а хотел уйти кем-то иным. Или не уйти. Проявитель вполне допускал, что он будет против возвращаться назад и очень захочет остаться в его, Эскекиаля, объективной реальности. Они все хотели.

"Откуда вы это достали?" — спрашивал перепуганный доктор Грегори, пялясь на отрубленные человеческие пальцы длиной в добрых пару метров. "Оттуда, откуда и всегда. За трубами, кабелями, на потолке. Там проще всего спрятаться", — отвечал раздражающе-спокойный Эскекиаль. — "Твари стараются не попадать в поле нашего зрения, но я вижу их и без глаз".

Бледнеющий доктор отметил суставы, хрящики-бугорки, ногти, сросшиеся в длинный полый тоннель, и усталые эпителием человеческого кишечника папиллярные линии — в монстре имелось все, что находилось в организме здорового человека, если бы клетки его тела перемешали кое-как и заставили функционировать.

"Не видел ничего подобного, совершенно не видел. Погодите-ка... нет, точно не ви..." — доктор позволил себе ли-

шиться чувств ровно на третьем сантиметре, едва не поранив себя скальпелем, который держал в руках. Эсхекиаль подхватил его, готовый пообещать себе никогда больше не приносить доктору ни единой клешни. Через несколько дней он обрадовался, что смог удержать себя в руках. Плесень трансформировалась, имитируя части человеческого тела. Она училась и эволюционировала. И Эсхекиаль совсем не нравилось то, на кого она хотела быть похожей.

— Назад никто не повернет. Как пропал Лукас никто не видел. Если смерть не подтверждена, значит, по умолчанию он жив. Возвращаться не имеет смысла, — отрезал храмовник, пряча обнаженный меч в ножны. Ему требовались свободные ладони, чтобы сила Пламени осветила путь.

Темнота потихоньку отступала. Стала видна белая туника, длинная, почти до самого пола и с черным крестом на груди. На кожаном поясе, схватившем бедра стальной пряжкой с ликом волка, покоился длинный меч в ножнах. Под туникой прятались легкая кольчуга из обычной стали и высокие армейские ботинки. Голова храмовника ничем не была защищена, разве только русой шевелюрой с щедрой проседью. Большой риск, ходить вот так, без шлема. Но когда он призывает Пламя, ничего не должно мешать его сознанию.

— От люменов здесь столько же толку, сколько от половой тряпки. — сырость мешала дышать, стекая дождем по стенам. Эсхекиаль отер вспотевший лоб рукавом. — Судя по всему плесень глушит электронику. Учитывая, что мое

Пламя делает то же самое, люмены здесь долго не протянут. Время дороже, даже если это всего двадцать минут. За мной.

Свечение Пламени делало дорогу видимой на два метра впереди, и два позади. «Больше нельзя», — одергивал себя Эсхекиаль каждый раз, когда ему хотелось раздуть силу сильнее. Пламя может вывести из строя электронику за стенами тоннеля, а часть системы жизнеобеспечения и так приказала долго жить.

В холодном свете Пламени прямо за ним шел Эрнест. Низкорослый, мускулистый и крепкий, как сварочный шов на обшивке космического корабля. Он был почти на голову ниже всех, находившихся сейчас в тоннеле. Лицо, грубое и морщинистое, словно вырубленное топором из цельного куска дерева, глаза темно-карие, даже при свете казавшиеся черными. На нем была тонкая подвижная броня, принимающая форму тела, высокие прочные ботинки, непроницаемые перчатки из нановолокна, импульсник на поясе и длинный нож — все говорило о его принадлежности к боевому блоку, следовавшему за Проявителем по пятам.

Из всех «красных» он был самым старшим, и еще помнил былые времена. Опасные, в них было много крови. Эрнест не походил на шальной молодняк, все время рвущийся в бой. Слишком осторожный для «красных», слишком подозрительный. В какой-то момент Эсхекиаль засомневался в своем выборе. Все-таки его излишняя осторожность могла помешать делу. А с другой стороны, резвая молодость сло-

жит свою голову слишком рано. Эрнест был не таким. Он умрет ровно тогда, когда нужно — не раньше, не позже. За это Эскекиаль был готов потерпеть его недоверчивость.

— «Вирсавия» не долетела до Марса какую-то сотню тысяч километров. Обшивку разъело кислотой, повредив ключевые системы жизнеобеспечения, — Неввид решил, что сейчас отличное время для страшных сказок. Высокий рыжий паренек с россыпью веснушек на бледной коже, он был одет точно так же как Эскекиаль, и меч имелся, разве что на поясе не было застёжки с волчьей мордой. — Рядом с ней встали «Аманда» и «Гелиос», но с ними связи не было, поэтому кто его знает, какие ужасы там творились. Может, и похуже, чем на "Вирсавии". Не нужно было им лететь друг за другом. После того случая двигатели отключены уже несколько лет.

— У нас тоже отключены двигатели, — голос Ашеры впервые послышался в темном тоннеле. Высокая, с ореховыми глазами, она была единственной негритянкой на корабле.

— Капитан отключает, бывает, на пару месяцев, так это ерунда, — прыснул Нэввид. — А у них уже два года, как полный штиль. Зуб даю, без жизнеобеспечения там все перемерзли. По мне уж лучше кислота, чем холод. Или удушье. Удушье — хуже всего. Ненавижу, когда нечем дышать. От холода хотя бы просто засыпаешь, говорят, даже хорошо становится. Помните, как улыбалась Кэролин при разгерметизации шестого отсека?

— Не нужно пугать меня детскими страшилками, — Эрнест нажал кнопку на виске, оголив часть шрамированного черепа без правого уха. — Посмотри еще раз, если забыл. Это ухо отвалилось вовсе не из-за холода, мне отгрызала его здоровенная тварина размером с три кровати, на которых ты сладенько спишь по ночам. А этот шрам? Она не дошла до моего глаза своей иглой, торчавшей из панциря, ровно два миллиметра. А вот другим совсем не повезло. Кирсана она насадила на свое шило, распоров его брюхо по самую грудь. Так что побереги свои байки для тех, кто ходит в рейды на складских крыс.

— На корабле нет крыс, мы их давно съели, — поправил его Нэввид. — Шорохи в темных углах вполне могут оказаться ужасным монстром. Тогда я выну свой меч и отрублю ему все, что он посмеет ко мне протянуть. Никто не устоит перед остротой моего меча.

— Экое ты помело.

Вскоре они дошли до развилки, в бледном свете Пламени тянулись тугие нити плесени, прилипшие к стенам тоннеля.

— Уплотнилась, что ли, — подозрительно отозвался Эрнест, шурясь в темноте.

— Не похоже на плесень, — согласилась Ашера.

— Да нет, точно она, — возразил Нэввид. — Смотрите, какая черная.

— От плесени тут только цвет. Больше смахивает на желе с чернилами каракатицы.

— Пульсирует, — произнесла Ашера. — Выглядит жутко.

— Тоннель находится под нижними ярусами. Правый ведет к техническому отсеку, левый — к заброшенному складу, — рассуждал Эрнест, не замечая пристального взгляда Проявителя. Тот глядел во тьму и, кажется, не слышал их. — Зуб даю, что нам направо.

— С чего бы? — удивился Нэввид.

— Смотри, — он указал пальцем. — Справа тянется сразу несколько нитей, слева — всего одна. Наверное, это какой-то отросток, который закончится через несколько метров. Гнездо находится с той стороны, где больше всего нитей.

— Ты изучал потусторонние гнезда? — в голосе Нэвида чувствовалась насмешка.

— На Земле я жил рядом с пчелиной пасекой, и чем дальше от улья, тем меньше пчел, чем ближе, тем больше.

— Звучит слишком просто.

— Это объяснение для тугоухих. Сразу ясно, когда бежать, а когда можно и потерпеть.

— Мне ясно только, что ты боишься пчел.

Однажды показушное бесстрашие сыграет с Нэввидом злую шутку. Эрнест давно похоронил его в собственных мыслях — где-то за поворотом паренька ждала смерть. Так уж и быть, славная, учитывая его храбрость.

— За мной, — Эскекиаль повернул налево, положив конец всем спорам. Он шел на запах человеческой крови. Внутри железистых нитей она перестала быть красной и почер-

нела, нарастив тело монстра. — Эрнест, Ашера, держитесь подальше от меня и от стен. Берегите костюмы.

Мелкая сеть разветвлений соединяла отсеки фермы по выведению скота, но с тех пор, как монстры сожрали всех животных, нужда в них отпала. Ашера взглянула на черный студень, растекшийся по шершавой пыльной стене: он налип на провода, тянувшиеся вдоль тоннеля и дрожал, чувствуя приближение Пламени. Девушка с тревогой проверила электронную панель на запястье: уже начала путаться, выдавая нелепые физиологические параметры. Двести тридцать пять сердечных сокращений в минуту. Полный бред. Не больше ста двадцати Ашера сделала шаг назад, чтобы оторваться от Проявителя, встав в самый центр тоннеля — подальше от стен.

Они остановились у приоткрытого люка, пузырявшегося черной слизью.

— Совсем вразнос пошла, — сказал, поморщившись, Нэввид. — Странно, что ничем не пахнет.

Нет, запах был. Резкий, кровавой, смешанный с гнилью и страхом. Монстр вздрагивал под натиском Пламени, пытаясь втянуться в стены — боялся, предчувствуя приближение Проявителя. Эсхекиаль дернул носом, пытаясь отогнать смрад от своего острого чутья. Они почти на месте.

Черная плесень ныряла аккуратно под люк, оттопыривая его в сторону, затем терялась в темноте. Пламя еще не успело проявить все тело странного монстра.

Люк открывался нехотя и со скрипом, Нэввид помог Эскекиалю отодвинуть толстый металл, вляпавшись при этом в тягучую жижу. Кое-где жгуты лопнули, как налитый прыщ, запачкали белую тунику липкой жидкостью и сразу запахли. Нэввид скривился, уткнув нос в локоть — накаркал. Теперь-то он прекрасно почувствовал невыносимый смрад. Внутри помещения кто-то глухо завыл.

— У него прорезался голос? — прошептал рыжий паренек. — Молчал-молчал, и вдруг

— Может, это не монстр, а Лукас? — предположила Ашерра.

— Эта гадость завывала, когда я на нее надавил.

— Совпадение.

— Лукас не кричал так, даже когда Марк отрубил ему палец на ноге. Это точно не он.

Эскекиаль дернул рубильник у входа в ангар. Свет не зажегся, да он и не рассчитывал.

— Может, появится, когда завершим дело, — коротко бросил он и шагнул вглубь ангара.

Свет Пламени осветил ближайшие ящики, Эрнест с Ашеррой интуитивно сделали шаг назад. Послышалось шуршание меча, вынимаемого из ножен — Нэввид остался на месте, готовый принять удар на себя. Что бы здесь не смердело разлагающимся мертвецом, наверняка, его можно убить еще раз.

— Тут плесень. Не черная, обычная, — Эскекиаль прикоснулся к металлической перекладине, уходящей вверх —

во тьму. На подушечках бледных пальцев отпечатались водянистая зелень. В ангарах стояла высокая влажность, и споры проросли на металлических подпорках. — Целая, никто ее не съел значит, монстр боится растительности. Это хорошая новость. Ашера, лезь наверх и включи освещение.

Эсхекиаль имел острый слух и тонкое обоняние, но до сих пор не научился видеть во тьме.

— Освещение не работает, — ответила девушка.

— Природная плесень может экранировать способности монстра, — пояснил Эсхекиаль.

— А если нет?

— В любом случае, наверху ты будешь далеко ото всех, так что система должна прийти в норму. Среди нас ты единственная гимнастка. Лезь.

Ашера испытала прочность стальных балок ударом кулака и посмотрела наверх: темнота. Это был не первый ее рейд с Эсхекиалем, но еще никогда ей не приходилось передвигаться вслепую. Костюм помог подтянуться вверх, металл скрипнул под весом стройного тела. Девушка интуитивно удержала равновесие, перепрыгнула на соседний парапет и, балансируя, расставила руки в стороны. Так она шла до следующей развилки, видя перед собой только два предстоящих шага. На следующий уровень она перебралась без особого труда — броня цепко хваталась за металл, оставляя в нем глубокие вмятины.

Стальная конструкция когда-то держала большие блоки

с ящиками провизии, но после первой атаки склад был разгромлен. Капитан корабля задраил люки, заперев здесь проявленных монстров, и не открывал их вплоть до сегодняшнего дня. Он надеялся, что твари сдохнут от голода. Так оно и случилось. Спустя десять лет здесь не осталось ничего, кроме плесени, кормившейся на останках сожравших друг друга пришельцев.

— Я не могу увеличить силу — это повредит системы корабля. Нужно найти что-нибудь — слышались глухие слова Эсхекиаля, уже где-то там, далеко внизу. — Ашера, что там у тебя?!

Вокруг сомкнулась тягучая темнота. Девушка опустилась, прильнув животом к металлу. Дальше — обрыв. В нос ударил запах сырости.

Частота сердечных сокращений — сто два удара в минуту. Похоже на правду Костюм считывал адекватные физиологические параметры, значит, и система освещения должна заработать.

— Внимание, ДНК-соответствие нарушено. Подтвердите свои данные, передайте новый запрос... — меч Нэвида терял настройки на его ДНК.

По спине пробежали мурашки. Если уж меч храмовника дает сбои, что говорить о броне. Не стала бы она для них живой могилой.

Вопреки ее страхам, система брони включила ослепительный свет на спине и коленях. Из тьмы родились очертания

стальных стен, перекладин, ящиков в несколько этажей и разбитые кости истлевших монстров, разбросавших длинные черепа по стальному неровному полу. Белые, словно молоко, кости переливались перламутром и плыли, словно их окутал жар знойной пустыни. Стены искажались, сжимая стальные гримасы, железные парапеты гнулись и ломались, через секунду выпрямляясь, а потом ломались вновь. Ашера протерла глаза, пытаясь отогнать наваждение.

Если здесь и жил невидимый монстр, то он был везде. На стенах, на полу, и даже на потолке. Ашера затаила дыхание, боясь задрать голову — не хотелось знать, что там творилось. По стенам ползли прозрачные водовороты, извиваясь, словно черви.

Что-то внизу хрустнуло, и послышался крик.

— Я ничего не вижу! Отцепите его от меня! — вопил свалившийся на спину Эрнест. Пыльный воздух схватил его за ногу и потащил, Эрнест пальнул в пустоту — мимо, вспышка прошла воздух насквозь, опалив черным противоположную стену.

Намертво вцепилась в балку, Ашера наблюдала сверху. Еще немного, и бой перерастет в бойню. Пока монстр не проявлен, любое оружие бессильно любое, кроме мечей.

Будь человечество более удачливо, об этом сложили бы множество легенд. Невидимые твари, проходящие сквозь стены, способные достать тебя из самого прочного бункера, а вот ты их — нет. Неукротимая злость, безответная ярость,

невидимая глазу до тех пор, пока не начинает пожирать тебя. И вот, в момент краха мира появляются они — обладающие даром, поцелованные судьбой или самим Богом, судя по тому, что они надевали на себя кресты. Они бились, словно звери, иногда мало отличаясь от тех, против кого выходили на поле боя. Одни в броне, другие в твердых шипастых панцирях — но жестокость одна на двоих.

Монстры обрели, наконец, лица, но сколько бы не появлялось крестов, тварей не убывало. Опустились знамена, так и не успев как следует пореять на ветру, и сводки о победах быстро сменились вереницей некрологов. А потом уже голубое небо Земли на стальные потолки космических кораблей. Только и под ними не было никакого покоя. О таком легенд слагать не хочется.

Почувствовался резкий запах сырой крови, и первые капли запачкали пол. Нечто, что схватило Эрнеста, завизжало и задергалось с ровным разрезом от меча — Нэввид продолжил махать почти вслепую, различая очертания монстра лишь слегка. Тот был повсюду, и чутье храмовника сходило с ума.

— Приготовьтесь! — крикнул Эскекиаль, скользнув на одно колено.

Мгновение спустя он коснулся ладонью пола, и из-под растопыренных пальцев хлынуло белое Пламя. Пылающий белый круг... всего десять метров в диаметре — вполне достаточно, чтобы ужаснуться от того, с кем приходится иметь

дело.

Они были высокие, очень высокие. Почти в три метра ростом. Исполины, сотканые из черных жгутов, мерцали под натиском яркого света, походя на гигантских трепещущих приведений. Жгуты стекали с отвесных туловищ, словно по пологой простыне и стелились дальше — по полу. У приведений были лица — длинные и худые, с отвесными ртами. Они походили на истлевших мертвецов, застрявших в корнях черного дерева.

К храмовникам устремились жгуты, приведения двинулись вперед, Эсхекиаль вскинул руку и бросил волну. Удар пришелся на ближайшего исполина, снес ему голову, ушел дальше и ударился в стену. Где-то внутри корабля сработала аварийная система. Ашера впервые услышала, как Эсхекиаль выругался.

— Защищайтесь! — крикнул храмовник и куда-то исчез.

Защищайтесь... от такого противника можно откупиться только собственными кишками.

— Потанцуем, пока ноги слушаются, — крикнул Нэввид, крепко держа меч дрожащими руками. Перед ним тут же вырос то ли медведь, то ли кабан — у того имелись морда и клыки. Вместо шерсти у него пузырилось гладкое желе, вместо лап полоскали тонкие кнуты.

Нэввид отразил свист кнута лезвием меча, а острие воткнул ему прямо в брюхо. На неистовый вой он ответил ещё одним ударом, не заметив щупалец, что подбирались к нему

позади. По броне что-то чмокнуло, словно его намеренно оплевали, и Нэввида резко метнуло в сторону. У него чуть голова не оторвалась, когда он услышал хруст в области шеи. Когда он обнаружил себя лежащим на полу, над ним стоял один из исполинов и тарачился сверху, разевая рот, будто хотел его проглотить. Нэввид понял, что прямо сейчас. Рот становился все шире, шире, и вот, он уже с половину его роста. Тварь, не наклоняясь, начала заваливаться ничком вперёд.

— Отвечай моего меча! — Нэввид выставил острие, не зная, с какой стороны лучше рубить огромный рот.

На его серых штанах медленно расплзлось мокрое пятно. Нэввид поднимал и опускал меч, поднимал и опускал, уже не разбирая, куда рубит.

— Эй, Эрнест! Ты где там?!

— Оставь видимое мне, а сам иди вправо! — Эрнест уже перезарядил оружие, и два раза даже не ошибся — проявленные исполины разлетелись на куски, разбрызгивая вокруг себя серую жижу. По полу застелился черный смог.

Скоро видимые враги закончатся, и останутся только невидимые, до которых не дотянулась сила Проявителя. Тогда он не сможет себя защитить. В воздухе остро запахло железом. Эрнест почувствовал что-то мокрое под ногами и опустил голову.

— Черт, — он увидел, как из-под штанины течет кровь.

Эрнест умудрился вляпаться в черную жижу, когда та по-

добралась к нему, робко забравшись на ботинок.

Упав на одно колено, Эрнест выронил импульсник. Резкая боль пронзила тело, когда липкая плесень поднырнула под стыковку брони и вгрызлась в кожу. Стало трудно дышать, и глаза вот-вот лопнут.

— Эсхекиаль помогите — прошептал он, но Проявителя нигде не было, он растворился между телами наступающих монстров.

Эрнест поднял голову. На него вылупилось неказистой лицо, в левом глазу его плавал еще один глаз — человеческий, с голубым зрачком. У Лукаса были такие же глаза — голубые. «Как бы мой там не оказался», — подумал Эрнест и зажмурился.

— Никудышный из тебя танцор, — послышалось над головой и сверху ринулся вонючий поток.

Он окатил Эрнеста с головы до ног, запачкав и броню, и шлем, и брюки. Нэввид размахивал мечом, крича о возмездии. Угрозу справа он встретил клинком. Щупальце только успело щелкнуть у носа Эрнеста, как Нэввид отрубил его, на всякий случай вонзив острие в лоб лупоглазого карлика. Тот вскрикнул и растекся по полу, испустив черный смог.

— Снимай, — Нэввид опустился рядом с Эрнестом, выпустив меч из рук. Кровь хлестала между пластин брони. Парень начал сдирать ее с Эрнеста, а она, как назло, отключилась и затвердела, похоронив под собой его крепкое тело. — А, чтоб тебя! Заело.

Не справившись с броней, храмовник принялся стягивать с себя кольчугу. Он шлепнул ладонью по механическому фиксатору на плече, и кольчуга отошла от тела, словно гипсовый слепок. Духота стояла такая, хоть сердце вынимай. Кольца со звоном ударились о пол — хорошо, а то под нее уже подлезала черная плесень. Нэввид был весь испачкан в крови, своей или чужой — узнает после боя. Куда подевался Эсхекиаль?!

Где ты?

Проявитель двигался бесшумно посреди дрожащего воздуха, словно не касаясь пятками пола. Воздух был совсем не воздухом и походил на жар, искажающий его объективную реальность.

Где ты?

Мимо проносились невидимые горы с невидимыми лицами, шарахаясь от Эсхекиаля, словно как от прокаженного. Пламя — его дар и проклятье. Монстры сторонились его, больше предпочитая свежую кровь. Подальше от Пламени, поближе к пище. Раненый Эрнест источал слишком соблазнительный запах. Эсхекиаль просто не оставил монстру выбора, переключив его внимание на свежую добычу. Храмовник слишком хорошо знал его натуру.

Где ты

«Хочешь спрятаться за спинами своих жертв?» — Эсхекиаль знал, что монстр боится и знал, что сам не может использовать свою силу во всю мощь. Отключение системы

жизнеобеспечения отнимет триста пятьдесят три жизни, теперь уже не считая Эрнеста.

Проявитель остановился, задрав высоко голову. Вокруг стонало, чавкало и кидалось на него, но не смело прикоснуться. Сколько бы страшных гримас не строило невидимое нечто, он уже видел каждую из них. И даже страшнее, и с зубами на порядок длиннее, и с сердцами, бьющимися наружу. Еще одно лицо лишь пополнит его список обитателей ада.

Монстр возвысился над ним и сломался, нависнув сверху, словно чугунный уличный фонарь. Взад-вперед, в сторону, и снова взад-вперед — он качался, словно старался оторваться от пола и обрести ноги. «Бежать, бежать», — его мысли были слишком очевидными, и Эскекиалю были не интересны. Он нашел корень, сердцевину, которой монстр прирос к металлу. Ему уже никуда не уйти.

Эскекиаль протянул ладони к невидимому лицу, он даже не вынул меч из ножен. Кожа коснулась воздуха, монстр разинул широкий рот в безмолвном крике и начал проявляться.

«Выйди на свет», — думал Эскекиаль, сжигая сиянием Пламени. Пальцы вошли в черные глазницы, лопнувшие еще до того, как стали по-настоящему видны. А он давил и давил, сжигая фальшивое лицо Лукаса в желании дойти до настоящего облика. Эскекиалю нужна была только правда.

«Зачем ты взял его лицо?» — Эскекиаль знал, что не получит ответа на свой вопрос. Знакомый подбородок, и ще-

ки, и нос осыпались в прах и опали, как пепел на ветру, под ними оказалась только челюсть и плоская кость без носовых отверстий.

Пламя впиталось в серые ткани, достав до корня, а затем устремилось дальше — вниз, расходясь по ветвям плоти, словно ток по проводам. Эсхекиаль был аккуратен, как не был аккуратен никогда, обычно таких тварей он сжигал за одну вспышку и не деликатничал. Но сейчас его сила не должна была выйти за пределы потусторонней плоти.

«Больно?» — хотел спросить Эсхекаиль сквозь гневную насмешку. Больно ли тебе, тварь, когда Пламя выжигает твое нутро? Этот простой вопрос доставил бы ему большое удовольствие, но, с губ неожиданно сорвались совсем другие слова:

— Назови свое имя.

Монстр разинул челюсть и молчал. Поэтому он повторил еще раз — на этот раз по-русски, словно грубые тембры родного языка придавали сил его глотке. Он будет требовать до тех пор, пока не получит ответ. Эсхекиаль не знал, зачем, но будет. Это Пламя спрашивает, он лишь выполняет приказ.

— Арагна, — прошептал монстр затхлым дыханием. Он говорил голосом Лукаса.

Эсхекиаль с силой надавил, и сломал ладонями его лицо.

Теперь я знаю твое имя. Пути назад нет. Ты никогда сюда не вернешься.

Вместо одного сломанного появлялись десятки других.

На потолке, на ящиках, на стенах — особенно на стенах. Лица наливались тугой плотью, свисая вниз под собственной тяжестью. Под натиском Пламени они все разевали рты и пытались кричать. Слишком осязаемые для тех, кто еще мгновение назад прятался за воздухом. У некоторых повыкатывались глаза, готовые вот-вот лопнуть. У одних они имели темно-красный цвет, у других — серо-коричневый. Цвета смешивались внутри глазниц грязными потоками.

Что бы Лукас не передал монстру, голосовые связки смог скопировать только один — самый корень, остальные же были немые, словно правда. Бой проходил в чудовищном молчании, только Нэввид изредка выкрикивал угрозы, и уже потом Ашера услышала свой испуганный вопль. Не хотелось не чувствовать, ни видеть, не кричать, что надвигается опасность, зная, что тебя все равно никто не услышит. Невидимые они были не такими страшными.

— Справа! — предупредила она, надрывая голосовые связки.

Хотя следовало кричать и «справа, и слева, и позади», и попутно молиться, чтобы Эскекиаль поспешил. Казалось, Пламя только разозлило тварь, заставив его защищаться, словно раненого зверя, загнанного в угол. Свирепая агония — Ашера вцепилась в железные балки, благодаря судьбу за то, что сейчас не находится внизу. Хотя ее судьба несла имя Эскекиаль.

Обнаженный по пояс Нэввид размахивал мечом, как мог.

Расставив длинные ноги в стороны, он будто врос подошвами в пол. Под ним лежал Эрнест, глотая ртом воздух. Наконец-то монстр уязвим, ему бы встать и начать палить, да только не слушались ни руки, ни ноги, и глотку перекрыло потусторонней слизью. Дышать было трудно, кровь хлестала из раны, уже непонятно, какой по счету. Сверху слышался крик Ашеры, а потом какая-то глыба отделилась от горы плоти и забила весь взгляд. Прежде, чем вниз упала сплошная серая масса, Эрнест почувствовал на себе тяжелое тело Нэвида. А потом их накрыло, погребая заживо.

Цепкие пальцы держали сталь до крови. В нос вонзился острый запах гари. Ашера так и не набралась смелости спуститься вниз. Пусть поступит приказ, и тогда она будет всю оставшуюся жизнь успокаивать им свою совесть. Сила Пламени текла по связям и наростам на стене, заставляя лица замирать, каменеть, а потом вспыхивать, испуская из беззубых глоток поток черного смога. Он бы накрыл Ашеру с головой, если бы она не находилась так высоко.

Запах гари стал невыносимым. Зажегся свет.

— Ашера! — слышался голос Эсхекиаля и она вздрогнула.

Вокруг все замерло, будто никогда и не было живым. Пламя выжгло монстра до основания, и, вроде как, следует взять себя в руки и перестать бояться. Разомкнуть бы пальцы сначала они словно приросли к стали. Ашера с трудом оторвала их, и с еще большим трудом спустилась. Эсхекиаль уже раз-

рубал гору, под которой покоились бойцы.

— Вы вы нашли сердцевину? — спросила робко она, хотя, как по-другому? Везде смерть.

— Помоги, — приказал Эскекиаль. Не зол ли он на нее?

— Простите, я просто — Ашера не решилась произнести слово «испугалась», за такое недалеко и вылететь из «красных», — У меня не получилось я

— Это не важно. Рассеки здесь.

Активировав цилиндр у себя на бедре, Ашера сделала, как ей сказали. Тонкие красные нити кистени перерезали задубевший прах, освобождая погребенных. Работа более тонкая, чем для грубого меча — Эскекиаль стоял рядом и наблюдал. Слишком уж спокойно для того, кто может потерять своих лучших бойцов. Порой Ашера гадала, что же у него на душе, но никто этого не знал, не только она одна. И все же, не хотелось думать, что ему все равно, глядя на его бесстрастный лик. После того, как она срезала третий слой, Проявитель раскрошил остатки ударом сапога и нашарил кого-то внизу. Неввид вскинул руку из-под толщи пожжённой плоти, Эскекиаль взял ее и потянул на себя.

— Они все отведали моего меча, — прохрипел Нэввид с нелепой улыбкой, сам понимая, насколько глупо это звучит.

Под ним лежало тело Эрнеста, уже полностью обескровленное. Броня на его теле треснула в нескольких местах, раскрытые глаза бесцельно взирали вверх, а рот так и остался раскрытым, не сумев вдохнуть. «Красный» был мертв. От-

дышавшись, Нэввид протянул бледные пальцы к его векам, чтобы тот наконец обрел покой.

Откуда-то из глубины ангара послышался тихий стон.

— За мной, — отдал приказ Эсхекиаль и устремился вперед.

— Но здесь

— Оставьте его.

Лукас лежал в куче грязи и тряпок. Завернутый, словно младенец в пеленки, он еще несколько секунд пытался что-то сказать. Единственный его глаз взирал с немой мольбой, ведь стоны не складывались в слова. Черная плесень залезла Лукаса под кожу, а, может, и по самое нутро — никто не знал. Нижней половины тела у него не было.

— Что с ним? — Ашера зажала рот, от ужаса ее затошнило.

— Видимо, монстр питался им, но не убивал, — Эсхекиаль вынул меч из ножен, сверкнув лезвием в воздухе. — Теперь уже поздно кого-то спасать. Он мучается.

Храмовник вонзил меч туда, где у человека должно находиться сердце. Лукас, глубоко вздохнув, издал благодарный стон и испустил дух. Ашера отвернулась, зажав рот руками.

— Повернись, или боишься? — голос Нэввида показался неестественно грубым. — Неженка.

— Ты обмочился.

Завтрак подступил к горлу вместе со внезапной тошнотой, и Ашеру выпростало прямо на пол. А Нэввид стоял голый по

пояс, с мокрым пятном на штанах там, где его нельзя было выдать за что-то иное. Он все еще зажимал меч в ладони, так и не отпустив его, даже будучи погребенным заживо. Кровь струилась с руки по лезвию, капая на пол. Бледный, угловатый и худой, он больше походил на мертвеца, чем смуглый Эрнест.

— По крайней мере, желудок у меня крепче, чем мочевой пузырь, — ответил храмовник без всякой обиды. — Так что мы квиты.

Глава 2. Тишина после залпа

Из всех пассажиров, населяющих корабль, доктор Грегори недолюбливал храмовника больше всех. И вовсе не потому, что никогда не видел, как тот улыбается. Вместе с ним приходили дурные вести. Храмовник мог неделями не показываться на глаза, а потом притащить за собой ворох пепла и крови. Виделись они редко, всего по нескольким причинам: кто-то умер, кто-то собирался умереть, или храмовнику приглянулись туловища чудовищ, от которых выворачивало наизнанку. Тогда он приносил их Грегори, требуя дать квалифицированную оценку. Он всегда требовал, даже когда говорил вежливо.

Доктора сковывали обязательства, негласно взятые при восхождении на борт — выполнять все гнусные поручения, отданные вышестоящими. Кто же предполагал, что придется подчиняться стальному мечу? Грегори становилось дурно сразу, как он видел его у себя на пороге. А ведь он врач, хирург. Отдельные части тел никогда не вызывали у него отвращения. К отрезанным лапам лисиц он относился с таким же трепетом, как и к человеческим пальцам. А вот монстры всегда его пугали.

Если потустороннее не прижилось в собственном мире, то в нашем ему точно делать нечего, порой размышлял про себя Грегори. Пришельцы жили по непонятным ему законам, пи-

тались и переваривали пищу странными способами — множеством способов, которым он даже потерял счет. Тяга к размножению тоже присутствовала, да порой такая явная, что в прошлое свое нападение Грегори даже не разобрал, хотело ли большое насекомоподобное существо с огромным жалом сожрать его или все-таки отложить в него пару яиц.

Голод и размножение — единственное, что понятно обоим мирам, и на этом совпадения заканчивались. Грегори неоднократно говорил об этом храмовнику, намекая о бесполезности препарирования образцов, но тот его не слушал. Таскал и таскал своих чудовищ, отбивая у него всякий аппетит.

— Вы опять кого-то убили.

— Добрый день, господин Грегори.

— Каждый раз, когда я слышу ваши шаги, мне хочется щелкнуть замком.

— Наши встречи всегда начинаются одинаково. Моя вина, что я не озаботился посещать вас как друг, хотя бы иногда. Обещаю, когда-нибудь я займусь этим вопросом, — Эскекиаль шагнул через порог. Он держал на руках что-то, завернутое в простынку. На белой ткани проступили бурые пятна. — Это Лукас. Убил его не я, если вас это утешит.

— Лукас? Боже, кладите его на стол. Осторожней... вот так. Неужели, не было ни единого шан... — слова Грегори застряли в горле, когда Эскекиаль откинул в сторону уголок ткани.

Лукас занимал разве что половину прозекторского стола, у парня отсутствовали ноги, часть туловища и правая рука. Монстр так сильно переварил его, что, казалось, в простыню был замотан ребенок.

— Вы совершенно уверены, что он мертв? — корабельный врач сделал шаг назад. Страх в нем оказалось больше, чем сочувствия.

— Я собственноручно пронзил его сердце мечом.

— Но вы же сказали, что не убивали его.

— Его убила плесень, я лишь избавил его от мучений.

— Выглядит так, будто его разъели кислотой... и внутри что-то шевелится.

— Я очень устал. Сегодня был долгий день, не делайте его еще длиннее. Неужели вы боитесь, что Лукас встанет и вцепится вам в горло?

— А он может? — с ужасом спросил Грегори.

— Нет. — отрезал Эскекиаль. — У него нет ног. А если бы он и выжил, не догнал бы даже улитку. Я могу сам вспороть Лукасу живот, но мне нужно ваше профессиональное мнение.

— Мою работу вполне могут выполнить практиканты. У Медеи получается совсем неплохо.

— Незачем ей видеть такие вещи.

— А Андрей?

— Это работа не для практикантов.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Что-нибудь, чего не знаю сам.

— Вряд ли я смогу рассказать больше, чем вы. Я мало что знаю о чудовищах, если честно, я вообще ничего о них не знаю. Они редко повторяются, так что о систематизации речи не идет. Как я дам характеристику организму, если мне не с чем сравнить? Я доктор, а не волшебник. Здесь справится только Проявитель.

— Проявители — не волшебники.

Грегори не видел большой разницы, но спорить совсем не хотел.

— Если не разрежете это сегодня, возможно, в следующий раз на этом столе будете лежать вы, — Эсхекиаль говорил правду. Кто виноват, что правда из его уст звучит как угроза?

— Что-то меня тошнит...

— Понимаю. Уборная у вас за спиной, — кивнул Эсхекиаль. — Я подожду. А потом приступайте к работе.

От двери тянулись большие следы армейских ботинок. Вечно за ним следует какая-то мерзость — слизь, содержимое кишок, разводы копоти. Таким должен быть Проявитель? Грегори не раз чертыхался, оттирая после него глянецовый пол. Все твердят, что Пламя очищает, а тем временем после храмовника не остается ничего, кроме грязи.

В большом медицинском блоке стояло множество приборов, только не все они пережили испытание временем. Операционная капсула вышла из строя сразу, как только они оказались в космосе. Прочную стеклянную крышку пробила но-

га гигантского членистоногого, так что его пришлось снять. Грегори жаловался, что не работает программа наложения швов. Аппараты диагностики работали как им вздумается, на информационных блоках, стоящих вплотную к стене, виднелись глубокие борозды. Пахло едкой дезинфекцией и Лукасом, начавшим разлагаться до того, как тот испустил дух.

Скорбел ли он когда-нибудь? Глядя на Лукаса, Эскекиаль лишь хмурил брови. Многие хмурят брови, это вовсе не значит, что они страдают от утраты. Иногда Грегори казалось, что эмоции храмовника застряли между мирами так же, как монстры, которых он проявлял. Эскекиаль легко разделялся с чудовищами и так же легко таскал на себе мертвых соратников — без малейшей эмоции скорби. Только сводил брови и о чем-то думал.

Хотя храмовник все-таки обронил однажды: "Наши планы не всегда совпадают с реальностью. В этом году больше, чем я планировал", — и положил на стол двоих детей. Поэтому Грегори все-таки решил, что тот ведет счет.

И все же, кто знает, что у него на уме? Грегори промокнул белым платочком вспотевший лоб. Где-то глубоко в горле застрял большой ком, мешавший дышать от страха и еще немного от отвращения. Выглядел он, конечно, по-дурацки.

— Запаха гари совсем не чувствуется, да и копоты на простыне я не вижу. Вы не поджигали его?

— Монстр получил столько Пламени, сколько необходимо.

Очевидно, это было не так — Лукас не был обуглен даже наполовину.

— Обычно вы выжигаете все дотла. Запах паленой плоти, знаете ли, успокаивает...

— Пламени хватило, чтобы проявить все ткани и не повредить системы жизнеобеспечения. В медицинском блоке все еще тепло, есть вода. Вы дышите.

— Дышать хотелось бы немного глубже, — в отсеке повис стойкий смрад.

— Жизнь на корабле учит терпению, — Эскекиаль подошел ближе. — Когда я проявляю монстра, он выходит из пограничного мира и становится полностью видимым. Как мы с вами. Обретает плоть и кровь. Ну, хорошо. Пусть не кровь, а что-то другое, но он становится уязвимым для оружия точно так же, как любое живое существо в этой вселенной. Его можно убить. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Вы хотите меня успокоить.

— Когда я пронзил тело Лукаса, тварь умерла вместе с ним. Гнездо я выжег. В этом помещении нет ничего опасней вашего страха.

— Не думайте, что я такой трус. Просто... немного удивлен.

За десять лет он так и не привык.

На теле Лукаса проступали шипастые жилы, несколько вросших клешней и круглые маслянистые волдыри с серыми мелкими крапинками — в общем все то, что Грегори не

любил и решительно не выносил. По телу несчастного рассыпались белые зубы с длинными алыми корнями, вероятно, принадлежащие ему же. Грегори насчитал не более тридцати, поэтому предположил, что монстр вытащил их у него изо рта.

— Думал, докторов трудно чем-либо удивить, — Эсхекиаль следил за дрожащими пальцами Грегори. Рука доктора ходила ходуном — не слишком полезный навык для патологоанатома. — Я видел, как вы штопали моих бойцов. Великолепные операции, аккуратные швы. После таких и шрамов не остается. Кажется, вы видели очень много. Тогда что вас так пугает? То, что вы увидели чуть больше, чем все?

— Можете говорить как угодно, — пробурчал Грегори. — Но то, что я вижу мне совсем не нравится.

— Таков новый мир.

— Отвернитесь, пожалуйста. Я позову, если замечу что-нибудь необычное, — доктор не хотел, чтобы Эсхекиаль видел, как дрожат его руки.

Низкий и худощавый, Грегори никогда не снимал своего медицинского халата и почти никуда не выходил, за исключением столовой. Когда-то он был очень толстым. Он убеждал себя, что жир не сходит с его боков из-за генетического нарушения лептинового обмена, но на самом деле просто очень любил поесть. Лечение не помогло, и между жестокой правдой и жесткой диетой Грегори выбрал правду. Временами он мечтал, глядя в ночные небеса, что когда-нибудь ста-

нет легким как перышко и полетит к звездам. Мечта его сбылась, когда он оказался на корабле. Правда, сначала он полетел, и только потом стал легким — корабельная диета высушила его до стандартных размеров медицинского халата. С тех пор Грегори заправлял отвислые щеки в воротничок, чтобы они не сильно бросались в глаза.

Эсхекиаль направился к раковине, включил воду и окатил разгоряченное лицо водой. Ледяная в ладонях таяли маленькие льдинки, острые, словно иголки, ранившие кожу. Корабль дрейфовал по ту сторону Плутона, далекий от солнца и всякой надежды. Львиная доля энергии уходила на обогрев. Замерзающая вода — недобрый знак. Сражение на нижнем ярусе всё-таки повлияло на системы жизнеобеспечения. Рядом располагался технический отсек, но монстр только частично глушил систему, он не мог вывести ее из строя. Сжечь оборудование способно только Пламя. Значит, он виноват. Не рассчитал силы. Нужно быть осторожней...

После того, как «Гофору-3» посчастливилось покинуть Землю, он лишился части жизненно-важных систем, одного двигателя и половины мыслящего ядра корабля. Кое-что погрызли монстры, где-то постаралась кислота, вытекающая из ядовитых голов. Монстры слепли от боли, когда Эсхекиаль проявлял их, вспышка за вспышкой, волна за волной, они бились хитиновыми головами о стены и в воздухе стоял треск и вой. Яд проедал металл, добираясь до схем и энерго-кабелей.

Знал ли он, когда принимал постриг, что его монашеская жизнь будет так далека от тишины и молитвы?

"Выбери себе имя. Николай, как Чудотворец, Иоанн, как Креститель или Сергей — к этому приглянись особо, — говорил ему настоятель монастыря. — Обычно я сам раздаю имена, но советовать воину, выдавшему виды мне несподручно".

После первой же исповеди игумен понял, что ни одно из имён ему не подходило. Слишком святые, чтобы он был достоин носить хоть одно из них. Сергей... звучало, как обещание. Будто пригоршня благодати, брошенная к ногам в счёт будущих заслуг. "Не все, что творится на поле боя претендует на славу", — сказал тогда Эскекиаль, теперь настоятель и сам это знал.

И все же имя взять пришлось — не ходить же ему безмянным, словно голым, без рясы. Но стоило принять постриг, как пригоршня благодати тут же превратилась в яд. Такова уж была его натура — морить все, к чему прикасается.

"Вы обманули меня, — говорил иеромонах Эскекиаль, которого уже несколько лет почему-то называли Сергием. Его охватила пламенная лихорадка, и теперь это имя казалось ему чужим. — Сказали, что все поменяется. Обещали другую жизнь. Я пришел в монастырь за спокойствием, а обрёл новую войну. Ничего не изменилось. Ничего".

"Ты слишком молод", — ответил ему игумен.

И это все? Попытайся настоятель соврать, он бы поверил, как верил все эти годы, пока не получил Пламя. Разве он так много просил? Всего лишь немного лжи.

«Все пройдет, сын мой. Ты не первый. Каждый что-то искал, и каждый получил то, за чем сюда приходил. Спокойствие уже на пороге. Нужно только немного потерпеть», — скажи он это, Эсхекаиль не сопротивлялся бы Пламени. Он принял бы его со всеми грехами, что нажил, пока его носил.

Но даже лжи он не заслуживал. А ведь с ней легче засыпать и легче просыпаться. Человеку нужно во что-то верить, а верить в ложь слаще всего. Между тем его пытаются выставить сосунком. Ему уже исполнилось сорок два, и Эсхекиаль не знал, когда по мнению настоятеля он должен повзрослеть.

"Ты слишком молод", — повторял игумен раз за разом, изо дня в день, из года в год. Каждый раз, когда Эсхекиаль приходил с битвы, перевязывая свои ранения. Боль Пламени плавилась ему кости, раздирала в клочья грудь, Эсхекиаль валялся от усталости прямо посреди боя, не в силах даже произнести молитвы, а он все твердил: "молод, молод...". Будто это не он благословлял его на сражения, потому что Эсхекиаль умел убивать. В последнее время он делал это лучше всех.

Стирались воспоминания об атомных снах, дни и ночи сливались воедино, порой перед глазами не было ничего, кроме Пламени и гримас разъярённых монстров. Однажды Эсхекиаль пришел на пепелище, где раньше располагался

его монастырь, и понял, что повзрослел. Не потому, что некому стало напоминать, что он все ещё молод — где-то там, под обломками, среди мертвых тел покоился его настоятель. Просто в тот момент Эсхекиаль обрел спокойствие. Не совсем то, за которым он приходил сюда, но как часто сбываются наши ожидания?

И все-таки игумен не соврал ему. Что-то, да посетило его душу. Не безмятежность, не тишина, о которых он мечтал пьяными ословелыми вечерами, но хладнокровие.

Хладнокровие — все, чего он оказался достоин. Вот такая правда ожидала его спустя долгие годы соседства с Пламенем.

На том пепелище он не почувствовал ничего. Смерть казалась уже настолько привычной, что Эсхекиаль без скорби проводил игумена к его вечной жизни, о которой тот так часто говорил. Вряд ли они встретятся.

Хладнокровие упрочнялось в Эсхекиале изо дня в день, из года в год, пока намертво не вросло в характер. Многие вещи уже не трогали его как прежде, или он не позволял им воздействовать на себя больше, чем то было необходимо. Чем хладнокровнее он становился, тем больше они с Пламенем понимали друг друга.

Острый скальпель проходит по хлопким покровам, мягкая грудная клетка разошлась — все это можно было увидеть на большом мониторе, но Эсхекаиль не смотрел. Сейчас он разглядывал большие банки с органами, выставле-

ными стройным рядом вдоль белоснежных полок медицинского блока. С каждой новой смертью количество таких банок увеличивалось. И все же есть у этого Грегори странность — так любить препарировать людей, и ненавидеть разделять монстров

Вспоротая грудная клетка Лукаса зияла набухшими внутренностями, опутанными упругими коричневыми нитями. Они были тонкими, тоньше медной проволоки, и начали уже рваться под весом отяжелевших органов. Казалось, монстр хотел собрать их вместе, усиленно стягивая друг к другу. Каждый орган, печень то или селезенка, и в особенности сердце, опутаны этими нитями. Чего именно добивался монстр?

— О Боже, — Грегори выронил скальпель.

В последнее время это слово слишком часто срывалось с губ перепуганных до смерти людей. Забавно, что сам Эскекиаль уже несколько лет не упоминал Господа вслух. А ведь на целом корабле никто и не верил, кроме него.

— Что вы видите?

— То же, что и вы, — скривился Грегори.

— Я вижу только монстра, изуродовавшего человеческие органы.

— В моей практике еще такого не было. Думаете, это какой-то особый вид?

— Свои мысли я пока оставляю при себе. Мне интересны ваши.

— Обычно вы приносили нормальные останки, — доктор боялся, но и любопытствовал тоже. — Ничего в них такого не было. Оторванные части тел, руки там или ноги. Разорванные органы, раздробленные кости... зрелище ужасное, конечно, но в нем есть что-то привычное... если бы мне принесли оторванную руку на Земле, я сказал бы, что хозяина съели львы, или крокодил. Это не пугает, это нормально. А здесь... внутри как будто сидит паразит.

— Органы в таком состоянии вы видите впервые?

— Я бы поставил вас в известность.

— Скорее вы оповестите капитана, а не меня.

— Это почему?

— Чтобы заработать себе лишние очки.

Приятно посмотреть, как Грегори теряется и не находит, что ответить. Иногда откровенность приносила сладкие плоды, если не злоупотреблять ей лишний раз. Доктор слишком часто доносил капитану на Эскекиалья, а тот слишком сильно стремился манипулировать храмовником. А для этого нужно как минимум больше знать. Так ему казалось, что он держит ситуацию под контролем. Мог ли Анман скрыть от Проявителя наличие странных монстров? Иногда ему казалось, что мог — желание прыгнуть выше чужой головы делает человека глупым, а капитан сам по себе был не то чтобы шибко умен.

— Вы... вы... Проявитель, и должны первым узнавать о таких вещах, — оскорбленно произнес Грегори. — Клянусь,

что никогда ничего от вас не скрывал. Капитан понятия не имеет, что здесь творится.

— Тогда он очень скоро предъявит мне свои претензии,
— Эсхекиаль указал пальцем на вспоротые внутренности.
— Все пустое. Скажите лучше, в чем ненормальность этих останков.

— Когда вы нашли Лукаса, он был еще жив, — констатировал Грегори. Щеки, заправленные в узкий воротничок, выскочили из плена, когда он потянул шейей. — Видно, что органы ещё работали. Сердце билось, почки фильтровали биологические жидкости. По запаху я могу определить, что жертва несколько раз испражнялась. А в этом

— нет никакого смысла. Переваривать жертву и одновременно поддерживать ее жизнедеятельность — больше смахивает на бред.

— Тварь съела половину тела за сутки. Даже труп не разлагается так быстро. Легче было просто убить, а не морочиться с живым.

— Вы правы. Не слишком-то продуманная тактика.

— Хотите сказать, что у плесени не было цели съесть его?

Эсхекиаль промолчал — значит, так и есть. Грегори с интересом начал разглядывать органы, и на этот раз без брезгливости:

— А знаете, очень тонкая работа. Вот ещё одна особенность: после проявления нити стали твёрдыми и стали теснить органы друг от друга, но все равно поддерживали их

работу. Понимаете? Даже после проявления. Удивительно.

Эсхекиаль понимал, и ему не нравилось то, что говорил ему доктор. Помимо множества лиц Лукаса в ангаре находились еще медведи, исполины и карлики. Откуда чудовище знало, что это такое? Если только не увидело их в сознании жертвы. Свои страшные догадки Эсхекиаль предпочел оставить при себе.

— Лукас все равно бы умер, — недовольно ответил храмовник. — У него не было шанса выжить ни с проявлением, ни без. К сожалению, я не обладаю навыками очищения тел. Монстры еще никогда не занимали тело жертвы.

Грегори нервно сглотнул.

— Хотите сказать, если монстр проник в органы... — он осекся, — вы ничего не сможете сделать? И тело просто разорвет изнутри?

— Пламя проявляет, — отрезал Эсхекиаль. — От него никуда не деться. Монстр ты или человек.

— Следовало бы Пламени иногда думать, что делать, — пробубнил Грегори. — Мне совсем не нравится то, что я вижу. Совсем. В естественной природе попадается нечто похожее... очень, очень отдаленно похожее. Гриб кордицепс, зомбирующий свою жертву, или другие паразиты... например волосатик выедает внутренности богомола и управляет его поведением. Он заставляет свою жертву стремиться к воде. В итоге все жертвы умирают. Если бы вы оставили Лукаса в живых хотя бы ненадолго, мне бы удалось узнать больше. Не

хотелось, чтобы подобное случилось на корабле.

— Уже не случится. Я выжег гнездо, — заверил Эсхекиаль. — А ставить эксперименты над страждущим я бы все равно не позволил. Собирайте свою коллекцию из мертвых, а живых оставьте в покое. — Следует ему присмотреться к увлечениям доктора, иначе однажды в одной из его банок может оказаться его голова. — Вы лучше скажите, знаете ли вы паразитов, способных имитировать... что-то?

— Что вы имеете ввиду?

— Рисовать узоры, моделировать внешность.

— Что-то не припомню, — доктор дыхнул на прозрачные стекла, за которым стояли его любимые банки. С любовью протер их рукавом халата. — Цель всех паразитов — насыщение или коррекция поведения с целью достичь какой-то стадии в своем развитии. Никто из них не задумывается о внешнем виде. И тем более не стремится выглядеть как жертва. Если только не хочет кого-нибудь приманить, чтобы сожрать, но тогда это будет уже не паразит, а хищник.

— Понятно.

— А что, черная плесень заделалась художником? — с подозрением спросил Грегори.

— Плесень не умеет рисовать.

— Ну вот. Было бы странно, если бы это было так. Это бы указывало на какую-то разумность. А ее поведение всё-таки похоже на обычное паразитическое... но с другой стороны, вы никогда не задаёте вопросы просто так.

— Вы становитесь любопытным совсем не вовремя, — прервал его Эсхекиаль. — Не ищите черную кошку в темной комнате.

— Вы же не сказали, что ее там нет.

— Паразиты не бывают разумными, — отрезал Эсхекиаль.

И точно не умеют разговаривать. Совсем не имеет значения, что Эсхекиаль, находясь под мороком Пламени, сам заговорил с безмозглым монстром. Гораздо страшней было то, что он ему ответил. "Арагна", — прошептал монстр голосом Лукаса, когда Эсхекиаль спросил его имя. Разве у монстров бывают имена? За каждым наречением стоял целый мир, и еще больше истории. Динозавры эволюционировали миллионы лет, а потом успели исчезнуть, прежде чем люди нашли их кости и дали им имена. А у этого чудовища уже было имя. И оно его произнесло, словно отдало самое сокровенное. Значит, он когда-то кем-то *был*. При этих мыслях Эсхекиаль ощущал страх. А ведь он давно уже отвык от этого чувства.

Пройдет совсем немного времени, как капитан Анман спросит за все белые пятна, которые он успел раскрасить в своем воображении. Слишком трудно будет скрыть обугленные черные лица с отвисшими ртами, и лопнувшими красными глазами. Они усыпали стальные стены ангара. Арагна не был художником, но претендовал на звание отличного скульптора. Существо, сумевшее повторить черты лица сво-

ей жертвы, не может быть рядовым пожирателем мяса.

Как быстро капитан начнет подозревать, что оно всё-таки разумно? Он был в ангаре, как и все остальные. Несмотря на свою недалекость, уже к утру Анман сложит дважды два, а доносы Грегори подольют масла в огонь. Эскекиаль рассказал слишком много. Его ошибка. Паникеры всегда найдут, за что зацепиться. Но слишком уж он устал, чтобы подбирать слова.

Эскекиаль поддел сухими длинными пальцами край простыни и прикрыл изуродованную жертву. Проявитель услышал все, что хотел. Больше ему было знать не нужно, а Грегори — незачем.

— Я бы мог подсоединить приборы и сделать примерный нейрослепок, чтобы узнать, что Лукас чувствовал, будучи... кхм... в плену, — предложил доктор. — Смерть произошла не так давно, данные должны быть довольно точными.

— И зачем же вам это нужно, господин Грегори? — строго спросил Эскекиаль.

Неужто хотите прикоснуться к чужим страданиям? Не поэтому ли вы храните руки и сердца в больших стеклянных банках, подумал про себя Эскекиаль, но в слух этого не сказал. Пора было заканчивать, смотреть на останки ему не доставляло удовольствия.

— Чтобы примерно знать, что там происходило. Дополнительная информация...

— Там были только кровь, пот и слезы, — прервал его

Эсхекиаль. — А ещё грязь. Грязь и голод. В местах, где аномалии пропускают обитателей потустороннего мира в нашу реальность, всегда происходит одно и то же. Ничего нового вы мне больше не расскажете, так что не будем заставлять Лукаса ждать своего упокоения. Мой меч облегчил его страдания. Этого достаточно, — Проявитель подошел к выходу из блока и приоткрыл дверь. — Мика, Сливли, возьмите тело. Нужно его сжечь. Прощальную речь произнесем уже над прахом.

Глава 3. "Красные"

Если Марк не смотрел в упор, не значит, что он не видел.

Кое-кто спрятался от него. Несмотря на свои габариты, Большой Сэм умудрился найти укромный уголочек, где угрюмо скреб полы вонючего ангара, стараясь не запачкаться. Прозвище Сэма не проходило странных преобразований, прежде чем прилепиться к парню намертво — он действительно был большим, без всяких секретов. В душевой на него уходило в два раза больше воды, чем на любого другого, поэтому и ходил он туда в два раза реже. Марк помнил график — через три недели. Завхоз порывался сократить его еще больше, но Марк воспротивился, помня большое сальное рыло Сэма и как от него несет. Сейчас он прошел мимо, не сделав замечание, что Сэм скребет недостаточно усердно. Тот и без этого дерьма пах как нечищенный сортир.

Такеши задрожал от отвращения, когда затвердевшее лицо отодрали от стены и оно шлепнулось вниз, растрескавшись пополам. Из мертвой сокровищницы вывалился ворох засохших пальцев, некоторые еще были живые и вяло шевелились. Дэррел и Минхо протыкали их острыми кинжалами, предлагая всем отведать вкуснейших сосисок. Некоторых тошнило сразу же, другие были более закаленными, их такой ерундой не запугать. Не «красные», а сплошные идиоты.

Монстра предстояло не только отодрать от стен, но и зачистить ржавый металл до серебряного блеска. Проявитель потом проверит, насколько сильно они облажались — с такими умниками, как Дэррел и Минхо, они что-нибудь, да пропустят, Марк был у в этом уверен.

Усердные пассажиры, не попавшие в боевой блок «красных», исправно носили лица на спине, если им не доставалось тележек и простыней. Вспарывали брюха, свисающие со стен, убирали уши, зубы и кости, отскребали налипшие испражнения с ящичков, больших выпуклых ламп на потолке и дырявых ржавых балок. Не брезгливые, не привычные спорить и ерничать, выполняющие любую черную работу. Низший слой общества, обслуживающий персонал, и порой бельмо на глазу. Марк смахивал его, когда кто-нибудь из "простых" путался у него под ногами.

Никто не хотел оказаться на дне иерархической цепочки. Поэтому "красные" вели себя как стая шумных обезьян, показывая превосходство над молчаливыми уборщиками. "Мы — не вы", — говорили они всем своим видом, ведь в боевой блок рвались не затем, чтобы драить сортиры за половину сухпайка в сутки.

Дважды идиоты и это его, Марка, досадный промах. Он принял их уже со взрослыми мозгами и большим гонором, и роль мамки, которой у большинства из них не было, выполнять не собирался. А надо бы — года два назад, когда еще визгу слышалось меньше. Теперь приходилось все вре-

мя напоминать, кто тут главный. Почувствовать себя отбросом каждому полезно, чтоб не зазнавался. Марк мог бы оставить своих ребят надсмотрщиками, но тряпки в их руках пришлись ему больше по душе. Сладкое зрелище. Забавно, что кто-то этого не понимал.

— Утомился? — Марк вырос перед Кевином, как бледная хитрая тень. Тот вальяжно оперся плечом о стену, скрестив на груди крепкие руки и наблюдал за кипящей работой. Хозяин жизни. Стал «красным» только вчера, не поняв, что хозяин здесь только один — Марк.

Кевин вздрогнул и повернулся, посмотрев вверх, на командира «красных». Они очень сильно отличались друг от друга. Кевин низкий и коренастый, с крепкими руками, большим плоским носом, его оттопыренные уши прикрывали золотистые кудри. Черная шевелюра Марка напротив стекала по спине засаленными длинными прядями, скучающими по дефицитной воде. Во время боя он собирал их в тугой пучок на макушке, во все остальное время они болтались кое-как.

И тем не менее, кое-что общее у них было — мертвенная бледность. Только если Кевин страдал от недостатка ультрафиолета из-за сломанных излучателей, Марк был таковым от природы. Бледный, похожий на упыря. Его отец родился таким, отец его отца и его отец. Наверное, их бледность передавалась из поколения в поколение, но отцы, как правило, не оставались до совершеннолетия сыновей, так что Марк не

брался судить, когда началась эта мучнистая эстафета. Шея у Марка уродилась длинная, челюсть массивная и угловатая, щеки впалые, очерчивающие острые скулы. Вместе с Кевином они смотрелись, как котлета и длинная макаронина. Они были в одинаковых футболках, предназначенных для красных — черных, с алыми треугольниками на правом плече, перечеркнутыми параллельными линиями.

Марк беспечно оперся плечом о ржавый косяк, встав рядом с Кевином, как добрый старый друг. Минхо и Дэррел опустили головы, имитируя добросовестную работу. Они намеревались делать это до тех пор, пока их не позовут для показательной "казни". А их позовут, и Большого Сэма тоже. Они давно не новенькие, знали, что у Марка среди «красных» друзей нет.

— Хватить драить полы как опущенные, — скривился Кевин. — Команда Кейры прекрасно справляется и без нас. С каких пор «красные» записались в прачки?

— Судьба поцеловала в золотой лобик храмовников, а не нас, — ответил на это Марк.

— Ага, или зад, — сказал Минхо, надраивая пол, и хрипло засмеялся. За ним Дэррел и Рамну, Сэм сидел в углу тихо.

— У них имеется сила, у нас — нет. Они могут выжить без Проявителя, мы — нет. Так уж вышло, что "красным" приходится следовать за Эскекиалем и убирать все дерьмо, которое после него останется, — пояснил, словно ребенку, Марк. — Посмотри вокруг. Монстр почти мертв. Почти —

тебе это что-нибудь говорит?

Кевин почесал затылок. Он плохо отгадывал загадки, и еще хуже отвечал на вопросы с подвохом.

— Почти — это не весь? — предположил Кевин.

Марк одобрительно кивнул. Ему нравилась их приятельская беседа, кроме того, что Кевин сует нос в чужие дела и раздает приказы вместо него.

— А ты смысленый парень, — Марк, конечно же, соврал. — Бывает так, что Пламени не хватает, чтобы сжечь уже проявленное. И тут появляемся мы. Ходит оно, ползает или трясет остатками — не важно. Нам нужно устранить все, что шевелится.

— Все, что шевелится, — важно повторил Кевин. Он смотрел на елозящих по полу "красных" с долей презрения.

На Марка он так же будет глазеть, возьми он в руки тряпку?

— Тогда чего тут стоишь? — спросил Марк.

— Я — «красный». Если нужно кого-нибудь убить я, конечно, убиваю.

— Давит червей подошвами, а нам потом оттирать, — пожаловался Минхо, спасая от сапога тощего Дэррила один такой обрубок. Минхо предпочел проколоть его кинжалом и выбросить в мусорное ведро неподалеку. Меньше грязи.

— Почти все сгорело в Пламени, осталась какая-то ерунда. Да и не черви это, черте что, — тощий Дэррел добрался сапогом до другого обрубка. Послышался хруст и чавканье,

Минхо поморщился и бросил в Дэррела своей тряпкой.

— Ерунду можно размазать так, что заделаешь еще одного Дэррила, — пожаловался Минхо, и по ангару пронесся дружных хохот. Смеялись не только красные.

Дэррел побагровел, но ничего не ответил. Он не хотел попасть под горячую руку командира вместе с Кевином, а тот вот-вот схлопочет по самые оттопыренные уши. Вот если бы ему одному, без новенького, можно и стерпеть. А позорную славу, одну на двоих, делить как-то не хотелось, ведь его обязательно зацепит, прояви он сейчас голос.

— Что ты слышал обо мне? — спросил Марк, достав из-за пазухи две сахарные палочки. Одну отправил в рот, другую предложил Кевину. Тот улыбнулся и поблагодарил, засунув угощение между губ, как соломинку. Минхо начал усиленно надраивать пол, он свою палочку помнил хорошо — до сих пор ребра болели. А Кевин этот, видимо, совсем идиот, раз дальше своего носа не видит.

— Что вы строгий, — сказал Кевин, посасывая палочку. — И справедливый.

— Строгий, — одобрительно кивнул Марк. — И справедливый.

Последние полгода Кевин тренировался вместе с «красными», а те не любили выносить сор из избы, хотя молили языками порой так, что впору было использовать их вместо половой тряпки. Самые языкастые накачали паренька сказками о великой исключительности, добавив щедрую щепот-

ку зазнайства. Тот поверил, в конце концов, за этим сюда и шел.

Марк не спешил, он любил вспомнить былое. Не все в его прошлом было таким уж плохим. Во всяком случае, на корабле не лучше.

— А я ведь помню те времена, когда «Гофор» поднялся в небо, потеряв по дороге один из своих двигателей, — рассказывал Марк, смотря, как Кейра, высокая брюнетка с пучком жестких волос на голове, складывает садовые грабли в ведро. — Тогда тебе не было шести. А мне лет пятнадцать исполнилось — тоже еще желторотый юнец, привык сутками напролет резаться в виртуалки, накачивать себя энергетиками, баб в глаза не видел — Марк проводил взглядом Кейру, та покраснела и сделала вид, что не замечает его. — «Гофор» умудрился вырваться на орбиту, вот только все ярусы корабля заполонили монстры, хлынувшие из аномалии в стратосфере. Не помню, где именно это случилось. Между тридцатым и сороковым километром? — Марк вопросительно посмотрел на Кевина, но тот, естественно, не знал. Ему было шесть лет, он едва ли помнил те времена.

— Если честно, я помню только крики, — ответил Кевин. Крики и еще липкий страх, но в последнем перед командиром "красных" признаться было совестно.

Марк продолжил.

— Я поклялся, что научусь стрелять, если "Гофор" все-таки доберется до космоса.

— Вы играли в плохие симуляторы?

— Когда убьешь по-настоящему, поймешь, о чем я, — Марк вспомнил свое первое убийство, когда на корабле пытались устроить бунт. — Мы добрались до космоса. Не все, правда... но считать мертвых плохая примета. Мне повезло, у меня даже ничего не отгрызли. Кроме мизинца на правой ноге, да невелика потеря. Так я научился стрелять, потом хорошо бегать, а потом останавливаться и принимать бой. Любой бой — понимаешь? Потому что есть время убежать, а есть время драться. Даже если единственное оружие в твоих руках — половая тряпка и садовые грабли.

И послушание, подумал Марк, не сказав вслух. "Красные" должны освоить это оружие в совершенстве, даже если мамка не научила.

— Хорошо подмечено, — важно сказал Кевин, польщенный разговором с командиром «красных».

Минхо усмехнулся — дурачок.

— Есть время убивать, а есть время убирать грязь. С определенного ракурса это одно и то же, на самом деле.

— Убирают те, кто не умеет убивать, — важно кивнул Кевин. — Это я понимаю.

Марк закатил глаза — он и не надеялся, что Кевин услышит. Но он хотя бы попытался.

— Берешь тряпку и идешь убирать. Говорю в первый и последний раз. Грязи тут полным-полно, а Проявитель не удостоился позвать нас на главный праздник для «красных».

Убил все сам — нам ни кусочка не оставил. Так что будем подчищать за его пиршествами.

— Я не буду убирать вместе с поломойками, — нахмурился Кевин, потряхнув кудрявой челкой. «Я только что оттуда вылез». — Пусть они убирают, а я посмотрю — если что выскочит, тут же убью. «Красные» всегда начеку, — пафосно объявил он.

— Минхо, Дэррел, — позвал Марк, и те с готовностью побросали свои тряпки. Большой Сэм сидел в углу тихо.

Послышался хруст сахарной палочки, перекушенной Кевином пополам, когда Минхо и Даррел подхватили парня под локти. Отволокли его подальше от двери и поставили на колени.

— Что происходит? — встревоженно воскликнул Кевин. Вокруг уже собирались люди. — Я ничего такого не сделал! Я красный, красный! Красные убивают, они не елозят тряпкой по полу!

— Угу, — буркнул Сэм из-за угла, натирая до блеска ржавые стыки.

— Кейра, сделай так, чтобы все свалили, — приказал Марк.

— Так, выходим, выходим, — Кейра захлопала в ладоши, перекрикивая возмущенные возгласы зевак, желавших посмотреть за расправой. Не каждый день красные лупили своих же. А если и лупили, то на глаза другим не попадались. Сегодня все опять случится за закрытыми дверьми, и

им останется довольствоваться только слухами. А они, все как на подбор, будут одними и теми же — о железной дисциплине, которая прописывается кровью. И Марк останется с репутацией жесткого, но справедливого капитана. Хотя многим хотелось бы узнать о нем что-нибудь другое. Например, правду.

Дверь в ангар скрипнула, и вскоре внутри остались только представитель «красных». Ровно девять человек.

— Что вы собираетесь сделать? — испуганно спросил Кевин, волосы на его голове зашевелились. Вырваться он не пытался — перед ним вожак, ему, скорее, оторвут голову.

И что он собирался сделать? «Красные» — дураки, не нюхавшие настоящего пороху, размахивающие хилым оружием у хилых монстров под носом. Настоящих монстров Марк помнил — с налитыми кровью глазами, с длинными языками, стелющимися по полу, вылизывая теплую кровь. Они были шершавыми, длинные сосочки шевелились на нежно-розовой коже. Помнили ли бывшие дети об этом? Марк каждый день убеждался, что нет. Молодняк, замкнутый в маленьком пространстве военного корабля. Все, к чему он сейчас стремился — показать себя, выше задрать нос, казаться круче, чем парень по твою правую руку. Порой они забывали уроки, преподнесённые Марком уже на следующий день, какими бы жестокими они ни были. Иногда даже гордились ими. Мерились, кто из них схлопотал больше, и выдержал его удар более стойко. Марк чувствовал себя фальшивым

монстром, выполняющим функцию устрашения за неимением настоящих чудовищ.

Минхо по прозвищу Головастик смотрел на него с вождественным ожиданием и скалился, показывая желтые зубы. Тощий Даррел по прозвищу Тощий, на голову выше Минхо, догадался не выказывать своего предвкушения. Он ждал решения с плотно сомкнутыми губами. Остальные смотрели, вспоминая собственные болячки — почти каждый.

«Пересчитай ему ребра», — мог сказать Марк, и Минхо возьмется за дело с особым усердием. Наутро Кевин не встанет с постели, а через неделю пересмотрит взгляд на сахарные палочки, которые попробовал из рук командира.

«Мне кажется, у него есть один лишний палец», — неплохой вариант. На этот призыв откликнется Ярош, невысокий коренастый парень девятнадцати лет, с русыми волосами, разномастными глазами и четным числом пальцев на правой ноге. Марк считал, если ему самому не мешает отсутствие мизинца, то и другим это будет не в тягость. Командир лишил Яроша пальца, когда тот устроил потасовку на тренировке. Обрубок нашел свое пристанище в одной из банок доктора Грегори. А Кевин сможет хранить сушеный палец где-нибудь в тумбочке у кровати.

Марк такой роскоши был лишен. Его плоть покоилась в брюхе какого-то монстра. Он помнил — длинного, с черной чешуей, его ноздри были острыми, как крылья стальной бабочки, из них сочилась зеленая слизь.

«Слишком много сахара. Это вредно для здоровья», — и Кевина кинут в космический карцер, как Лаймана, где он завоюет от голода в полной темноте. Тьма вокруг, тьма за пределами корабля. Наверное, худшая пытка для человека, привыкшего жить в тесных людных казармах, и через неделю он выйдет совсем другим человеком, или не выйдет уже никогда. А то, что от него останется, получит огромное уважение среди «красных». Пытка космосом — самая трудная, даже сам Марк не мог ее выносить.

Марк не хотел делать из Кевина мученика, выдержавшего особую пытку. Заслужить исключительный статус, не сделав ничего для корабля и для «красных» — слишком роскошный подарок для молодого идиота. Ему вполне бы подошло быть шутком, или просто клоуном. Да, клоун — подходящая для него роль.

— Дурак ты, парень, — усмехнувшись, произнес Марк. — Радуйся, сегодня у меня отличное настроение. Большой Сэм!

Сквозь напряженную тишину слышалось тяжелое дыхание Кевина.

— Эй, Большой Сэм, вылезай из своего угла, я знаю, что ты сидишь, пялишься на ржавчину и ничего не делаешь! — прокричал Марк и в полутьме укромного закоулка за ящиками кто-то зашевелился. Вскоре пришлепал Большой Сэм, переваливаясь с ноги на ногу. Он был воистину огромным. Кажется, скудные корабельные харчи раздували его против

воли. — Спусти ему штаны и надери зад до кровавых полос.

Пространство взорвалось гогочущим смехом. Кевин ворочал голову туда-сюда, испуганно задирая подбородок, вокруг нависали веселые лица, мелькая широкими желтыми осками. Над ним смеялись, все они. Кевин дернулся, когда Большой Сэм взялся за его штаны.

— Пусти! — взвизгнул Кевин. — Пусти, не трогай меня! Я отделаю тебя так, что сам себя в зеркале не узнаешь!

Смех стал сильнее. Отличный шут, подумал Марк. Пусть попробует. Один на один Большого Сэма никто так и не смог победить. На то он и Большой, и очень злой, после того как его самого отметелили розгами по заднице. Чтобы удержать этого громилу, потребовалось шесть человек и пара электрошокеров. Все, кто держал Сэма и потешался над ним, затем отвели на ринге его большого кулака. Он смог отвоевать свою репутацию, хоть и кое-как, а вот у Кевина кишка тонка.

Кевина согнули пополам и оголили зад. Сэм замешкался, выискивая что-нибудь подходящее, и за неимением оно-го стащил с пояса свой ремень.

— Я все уберу, все! — кричал Кевин. — Я же не знал... не знал ай!

— Пусть поползает с красной задницей, а я ему тряпку дам. — сказал Минхо, наслаждаясь работой Сэма — у него бы так не вышло. — А мы, так уж и быть, убивать будем, если найдем кого.

— Капитан, там Мелания, просит вас на секунду, — Марк

услышал шепот Яроша над ухом.

— Что ей надо?

Ярош пожал плечами.

— Минхо, ты за главного, — бросил Марк и под дружные улюлюканья удалился. Сэм превращал Кевина в шута. Он был размашисто, крепко, оставляя кровавые полосы на белой коже. Кевин выдержал пару ударов в молчании, но потом завыл. Его вопль утонул в окружающем смехе.

За дверью Марка ожидала невысокая шатенка с веснушками на все лицо, она прятала небольшие ладошки в карманах потрепанного комбинезончика. Выглядела недовольной. С таким лицом Марку носили дурные вести.

— Эуридид утащил Элию в дальнее крыло, к пустующим казармам, — сказала она хмуро.

— Прямо-таки утащил? — Марк уперся плечом о косяк двери, загораживая возню в глубине ангара. — Или сама пошла?

— Сама пошла, — прошипела Мелания. — Гадюка, потаскушка. Она давно на него бросалась.

— А он не такой, — усмехнулся Марк. — Верный, любящий, его заставили?

Мелания поджала губы и спрятала взгляд.

— Он такой, какой есть, — ответила она, вытерев мокрый нос мятым рукавом. — Не смейся надо мной, я и сама знаю, какой он. Просто думала, что тебе важно знать. Ты же вроде как имел виды на Элию.

— Хех, так сильно заметно? — Марк склонил голову на бок, сощурившись. — Что-то не припоминаю, чтобы кричал о своих симпатиях на каждом углу.

— На корабле все любят посплетничать. Все же видят, как ты на нее смотришь.

— Конечно, какие еще развлечения могут быть в космосе? — Марк смотрел на Меланию пристально, но, видимо совсем не так, как на Элию. — И как же я на нее смотрю?

— С большим интересом. И несколько раз сказал, что она красивая. Ты никогда никому такого не говорил.

— А вот это вранье. Я всего лишь раз обронил эту ерунду, даже и сам не помню, когда, — нахмурился Марк. — Так, пустяк, и рядом никого не было. Кто вообще мог это услышать?

— У девчонок уши длиннее, чем ты думаешь, — пробубнила Мелания, вытирая нос. — За несколько дней вам перемыли все косточки, и напридумывали всякого разного. Если хочешь, расскажу.

— Мне не интересны бабские сплетни, — отмахнулся Марк, хотя знал, что зря. Никакие сплетни не бывают пустяковыми — любые полезны. Только ему действительно нравилась Элия, и он не хотел показать свою излишнюю заинтересованность. — Сплошная дурость без крупницы истины. Вас слушать, только уши марать.

— Не все там правда, — согласилась Мелания. — Но Элия тебе нравится я точно знаю. Не говори, что нет.

— Если она с кем-то шаркается, уже нет, — раздраженно ответил Марк. — А чего ты от меня хочешь?

— Ты их накажешь? — в глазах Мелании заблестели слезы.

— За что? За то, что Эуридид потоптал другую курочку вместо тебя? Хотела оказаться на ее месте?

Мелания стояла, словно каменная статуя. Не знала, что ответить, но и уйти не могла. В своей глупой любви к потасканному кобелю она выглядела совсем убогой.

— Ладно, иди. Я разберусь, — сжалился Марк. Он еще об этом пожалеет.

— Нужно быстрее, они...

— Иди.

— Ладно.

Мелания подалась в сторону, вытягивая шею. Марк хлопнул дверь в ангар прямо перед ее носом — никто не должен увидеть исполосованную задницу Кевина, кроме "красных" и тухлой воды в толчке. Девушка вздрогнула и попятилась, убежала она быстро.

Глава 4. Дом там, где мы

Помнится, впервые очнувшись на корабле, Медее он показался просто огромным. Сначала в темноте ничего не было видно, но после того, как крики окончательно стихли, она вышла из темной удушливой каморки и задрала голову. Потолок терялся в темноте так же, как стоны раненых. Тогда она поняла, насколько он высокий. Низкий показался бы сразу.

В следующую секунду стены зашевелились, и коридор из прямого превратился в поломанный. Поначалу Медея пугалась, когда привычные места исчезали. Некоторые каюты становились больше, коридоры меньше, пропадали одни вентиляционные шахты и открывались другие. Она могла застрять между лестниц, если не успевала сбегать вниз вместе с остальными. Так, для нее маленькой, корабль становился еще больше — бесконечным, как космос, в котором они плывут. Через несколько месяцев она выучила все комбинации тактических преобразований и бесконечность уменьшилась до размеров корабля, годясь разве что для игры в прятки.

Потом случился большой разрыв-аномалия на пути, и вторая волна монстров частично вывела нейросеть из строя. С тех пор стены перестали меняться местами. Корабль стал совсем скучным. Тогда Медее в первый раз почудилось, что он совсем маленький, будто из четырех ярусов у него осталось

только два. Или она просто успела повзрослеть?

В сине-фиолетовом платье, в котором она попала на корабль, Медея проходила несколько месяцев, пока кто-то не обругал завхоза за то, что девятилетняя девочка ходит с огромными пятнами крови на подоле. За это время она успела получить кукольное прозвище, которое ей совсем не нравилось. "Норби", — по имени одной давно умершей певицы. Вероятно, в этом были виноваты рюши на груди и огромные рукава-воланы, которые певица так любила.

— Девчонка, — насмешливо бросил Нэввид, когда она впервые вошла в тренировочную. Тогда они ещё не дружили. Медея показала ему кулак.

Удивленный мальчик подошёл и спросил, почему она надумала дразниться, и нет ли намерения у нее сразиться с ним. Медея ответила, что девчонки не сражаются, но угрожать ему ей никто не запретит. В тот же вечер Нэввид рассказал ей о рыцарях, и у Медеи появилась новая мечта. Пропшлая была связана с мороженым и давно перестала ей нравиться.

В один из вечеров ее вызвали в отдел снабжения. Серое помещение с бесконечными шкафами пропиталось запахом отдушки.

— Какое красивое платье, жаль, что запачкалось, — с тех пор как Даяна стала заместителем завхоза, запахи на корабле стали намного приятнее. — Не дело это, ребенку ходить несколько месяцев в одном и том же. Вот станешь бойцом,

выдам тебе форму... но лучше бы нет. В синяках радости мало.

— Платье мне мама купила, — сказала Медея.

— Тебе, должно быть, жалко с ним расставаться.

Медея безумно тосковала по маме, но платье от этого ей нравится сильнее не стало.

— Она любила куклы. У Норби было такое же.

— Понятно. Когда подрастешь, сможешь сама выбирать.

К тому времени мы уже долетим. Ужасные пятна, совершенно не отстирываются. Видать, у этих монстров кровь сильно въедливая. Ходить в испорченной ткани — привлекать беду.

Медея не помнила такой приметы, да и Эсхекиаль говорил в шутку, что слишком суеверных рано или поздно приходится сжигать. Правда, Нэввид утверждал, что храмовник никогда не шутит.

— Это человеческая кровь, — спокойно поведала Медея.

— Бедный ребенок, — прыснула Даяна, хотя таких детей на корабле было много. — Тебе не снятся плохие сны?

— А какие сны плохие?

— В которых происходят неприятные вещи, — Даяна порылась в стальном шкафчике, достала стопкой сложенную одежду. — Может, тебе страшно, когда ты остаешься одна? Или кажется, что за тобой кто-то гонится? Ты скажи, я свожу тебя к доктору Грегори.

— Я ничего не помню, — Медея действительно ничего не помнила. Все ее воспоминания обрывались на космодроме,

у тела мертвой матери.

— Тебе повезло больше, чем остальным.

В итоге ее одели почти так, как она хотела. В плотные теплые колготки, поверх которых натянули забавные штаны с кармашками, выдали ей белую футболку с клубникой в очках и полосатую куртку с широкими рукавами в три четверти. Вместо армейских сапог не по размеру Медее повезло получить удобные кроссовки с молнией на боку. Те были сняты с убитого мальчика, но Даяна Медее об этом не сказала. Не помнит — и хорошо.

Вся лишняя одежда, что выдавалась на корабле, раньше принадлежала погибшим пассажирам. Бесхозный скарб простаивал в чемоданах, и однажды за ним пришли в пустые каюты. Медея обожала свои кроссовки, особенно свечение молнии, когда она подпрыгивала на месте.

— Теперь то, что надо, — Даяна довольно оглядела Медею. — Нравится?

— Очень нравится. Теперь я смогу стать рыцарем.

Она специально пошла сначала в спортивный зал, чтобы покрасоваться. Нэввид, вместо того, чтобы уважить ее, начал неистово ржать. Он не мог заткнуться до тех самых пор, пока Медея не поколотила его кулаками. Прямо при всех. Нэввид, конечно, ничего не почувствовал, но удивился такой храбрости. Он демонстративно заявил, что девчонок не бьёт, но с тех пор разговаривал с ней как с равной, ведь теперь она выглядела почти мальчишкой.

Девочка была самой младшей на корабле, и постоянно прикидывала, к кому бы ещё прицепиться, кроме Эсхекиаля. Все остальные девчонки были старше ее на лет пять, и не особо хотели возиться с малявкой. Правда, ещё была Ашера, но та сама обходила ее стороной. Медея зачастила на тренировки, чтобы поглазеть и послушать. После того, как Нэввид ее принял, приняли Медею и остальные.

У забитого до заплат тренировочного манекена стояли Минхо, Даррел и Томаш, а Нэввид тем временем махал ногами, стараясь достать тому до шеи. У него получалось лучше всех, а хуже всего у Минхо. Тот был тощим и хилым, грузный Даррел шутил все время, что тот промахивается, потому что у Минхо глаза косые. Молодняк обычно держался поближе ко взрослым, но научен был не путаться под ногами.

— Сегодня идем на нижний ярус. Ты с нами? — Даррел придержал манекена, чтобы тот не свалился при ударе. На силу увернулся от ноги Нэвида.

— С вами, — тут же согласилась Медея. — А что там, на нижних ярусах?

— Да я не тебе. Я Нэвида спрашиваю, — Нэввид считался самым храбрым.

— Пусть идет, если захочет, — Нэввид весь вспотел, рыжие волосы его прилипли ко лбу. — Там гравитаторы. Кто дальше зайдет — тот самый крутой.

— Я не знаю, что такое гравитаторы, — ответила Медея.

— От них писать хочется, — пояснил Даррел. — И к сте-

нам прижимает. Шагать совсем трудно становится, потом падаешь и лежишь, если кто-нибудь не поможет.

— Нижний ярус закрыт, — сказал Томаш, почесывая оттопыренное ухо под выбритой макушкой. — Недавно выявили аномальную опасность. Я слышал, как Артифе отдавали приказ все заблокировать.

Длиннолицый Томаш был старше остальных на добрых четыре года, и считал себя вправе обламывать остальных забаву.

— А я там все время чихаю, — к компании подошел Сириус, могший составить конкуренцию худобе Минхо. Только глаза у него были большие, словно от удивления.

— Ну и что? Все равно туда никто не попадет. Артифа никого не пустит.

— Артифа в последнее время совсем дурная. Путает мое имя и камеры у нее не работают, — Нэввид сделал выпад и с разворота снес манекену голову. Даррэл поднял ее и поставил на место.

— Откуда знаешь?

— Медея лазила по шахтам, и она ее не заметила.

Все тут же повернули головы к Медее.

— Между первым и вторым ярусом. Там все забито техническими блоками. Совсем не интересно. Только что-то все время щелкает и гудит, я и не разобрала ничего.

— Из шахты просто не видно, — сказал Нэввид. — Если не попадаться взрослым на глаза, можно пробраться на

нижний.

— А если не попадаться на глаза капитану, можно попасть в вирт-капсулы. Третий ярус лучше, — Томаш явно не хотел принимать участие в забеге, но и отказаться не мог. Тогда его посчитают трусом.

Третий ярус. Больше всего места там занимали длинные шеренги одинаковых кают, Медея справедливо предполагала, что для совершенно одинаковых людей — «Гофор-3» был военным кораблем, и предназначался для солдат. Иногда она представляла их — огромных, высоких, с мышцами, которые росли только потому, что в них была заложена груо-программа. Она видела генетически измененных солдат всего раз — на параде в честь окончания второй Системной войны, и тогда они показались ей громадными, чем-то походящими на роботов. Прямо как на плакатах о великих защитниках Империи. В ее воображении эти солдаты захватывали планеты и другие галактики, и пробирались через плотные папоротниковые джунгли, чтобы когда-нибудь она смогла увидеть новые миры. Наверняка, так и было бы, если бы люди не изобрели неисправный телепорт и монстры не заполонили их родную планету.

Медее хотелось поглазеть на капсулы, но трусихой она тоже прослыть не хотела.

Не успели они подойти к большой дыре посреди корабля, как Медея почувствовала себя очень уставшей. Где-то глубоко внизу мелькали синие огоньки, юркими светлячками но-

сившиеся по спирали. Сесть бы и отдохнуть, да нельзя. Нужно дойти до какой-то третьей двери, чтобы тебя посчитали самой храброй. Не описаться бы... уже очень хочется.

Сириусу дали по уху Ксандер и Роули, что караулили спуск. Потом утащили его куда-то, но так было задумано. Дорога теперь свободна. Ребята прошли до самого дна, в котором не было ничего примечательного: большой круг, который слегка вибрировал. Но если поставить на него подошву, отрывалась она с трудом.

— Первая дверь, — Нэввид ткнул пальцем куда-то во тьму. Когда у самого пола зажёгся очередной огонек, метрах в десяти от них показалась высокая дверь, слишком узкая даже для ребенка. Взрослому трудно туда зайти, наверное, она предназначалась для чего-то другого. Дальше находилась ещё одна такая же. А вот с противоположной стороны последняя, низкая и широкая. Медея предположила, что это и есть третья дверь. К девяти годам она уже умела считать до тысячи.

— Кто первый? — спросил Дэррел, но это было очевидно.

Нэввид, как обычно, пошел вперёд. Медея за ним. Она всегда повторяла за мальчишкой, чувствуя себя храбрее.

— М-135, — Минхо прочитал на первой двери, коленки его дрожали. Никто не отступил.

С каждым шагом становилось все труднее, руки и ноги казались каменными. Нельзя останавливаться, уговаривала себя Медея, не хочу быть трусихой. Она попыталась спросить,

доходил ли кто-нибудь до третьей двери, но обнаружила, что не может говорить. И дышать стало очень трудно. Они были уже почти у цели, когда почувствовался резкий запах мочи.

— Ну, кто тут зассал? — с одышкой спросил Дэррел. Ему, вроде, было легче всего, хотя мальчишка вырос огромным.

Медея с ужасом обнаружила, что это она описалась.

— У второй двери можно, — слышался бубнеж Минхо, он, оказывается, тоже обмочился.

— Погодите, — остановил их Нэввид. — Видите, там?

— Я ничего не вижу.

— И я.

— Там лежит что-то круглое. Шевелится, что-ли.

— Ничего там нет. Испугался? — никто не доходил до третьей двери, но Томаш хотел выглядеть храбрее, чем десятилетний мальчишка. При таком же росте он был взрослее и сильнее, и ему было легче выдерживать действие гравитатора, но, когда тот работал, третья дверь была недоступна даже для него.

— Говорю же, есть. Оно поднимается и опускается. А на макушке куча глаз.

— Ты просто испугать нас хочешь, — испуганно сказал Дэррел.

— Хочу, но я правду говорю.

В тот момент Медея услышала собственный крик, и крики ребят. Нечто невидимое кинулось на нее, она схватила это руками и отбросила подальше. Оно попало на Дэррела,

облепив его руку. Рука тут же сделалась кровавой. Только когда красное вышло на воздух, стали видны очертания этого нечто. Действительно круглое, и на макушке множество глаз, завёрнутое в мелкую сеточку сосудов, как в лапшу.

Дэррел упал на пятую точку и орал, орал, смотря на руку выпученными глазами, как сумасшедший. А Нэввид сделал два тяжёлых шага вперёд и вцепился пальцами в сгусток сосудов. Он отодрал его вместе с куском кожи и разорвал пополам. Дэррел описался, капли крови падали на пол и тотчас же размазывались по нему тонким широким овалом. У Нэввида руки тоже были все в крови, но не его. У него самого не было и царапины. Он топтал, топтал чавкающую жижу, которая через мгновение испустила дух черным смогом.

Мальчишки начали ползти до первой двери, а Медея упала и завопила. Она не могла дальше идти, ноги будто надломались и сделались спичечными. Нэввид подхватил ее подмышки и потащил. Медея чувствовала мокроту на коже, там, внизу, и решила всё-таки, что она та еще трусиха. Было так страшно, что сердце стучало о ребра. Она не помнила, как оказалась наверху.

Так они узнали, что у них есть дар. После того, как они выдраили все унитазы на корабле, Нэввида определили в храмовники, а Медею на кухню.

Главной в пекарне была Эльвира, низенькая женщина с очень тонкими запястьями.

— Когда началась вся эта заварушка, пришлось выбивать

себе место потеплее, — рассказывала Эльвира, вымешивая тесто на столе. — Вот, теперь стою около печки — теплее уж некуда. Здесь только те, кто выдерживает жар и держит свой рот на замке, — она приложила мучнистый палец к губам. — Это значит не болтать лишнего и не воровать со стола.

— Рот — на замке, — повторила рослая Милана, одна из помощниц. Судя по тому, какая она была худая, она очень строго выполняла это правило.

— У меня есть дар. Я бы хотела стать храмовницей.

— погоди ты с этой ерундой. Таким малявкам нечего делать на татами. Меч он знаешь, какой тяжёлый? — Эльвира кинула под нос Медеи кусок теста. — На, помни. Я тебе покажу, как. Обсыпаешь мукой и давишь обеими руками, потом переворачиваешь, и заново. Да не так, сильнее, ещё сильнее. Какая ты слабенькая... прав был господин Эскеиаль, что попросил за тебя, чтобы ты не моталась с этими мальчишками. Они же совсем без головы, лезут, куда не попадая.

Может, действительно храмовником стать тяжело вот так, сходу, и нужно немного подрасти. В носу щекотал горячий аромат хлеба, и все время текли слюнки. Для начала неплохо бы освоиться на кухне.

— Откуда ты? — Арнея отвечала за котлеты. Лепила их из белковой массы, чтобы они были похожи на настоящие. У нее и глаза были такого же серого цвета, как фарш из органического принтера.

— Мы с мамой жили в Ольшане.

— Никогда не слышала.

— Около нашего дома был лес.

— А, это для туристов, — кивнула Арнея. — Понятно.

Как вас ещё собаки не загрызли, слышала, туда сбегались целые полчища. После изобретения телепорта эти твари стаями покидали города. Боялись чего-то, чего люди ещё не видели. Говорят, у них отличное чутье. У вас же деревня была?

— Не знаю, — Медея не совсем понимала, чем деревня отличается от города. Но в последние времена на улице действительно было много собак.

— У вашего дома был чердак? Только в деревнях есть такие дома.

— Был, — вспомнила Медея. — Наверху всегда летала куча пыли. Мы играли там в прятки.

— Ненавижу чердаки.

— Мы не только там прятались, ещё в болотах за пригорком. В трясине живут русалки.

— А ты сама-то их видела?

— Барли видел. У них длинный зелёный хвост и изо рта торчат острые зубы.

— Я не верю в русалок, — Арнея принялась укладывать котлеты на противень. — А твой Барли все врёт, их не бывает.

Видимо, это потому, что им уже по четырнадцать, решила Медея. Барли предупреждал, что взрослые не умеют видеть

сказочных существ. Будь они немного помладше, обязательно бы ей поверили.

— Слушай, я видела у тебя пояс со стразами. Красивый такой. Он тебе ещё нужен?

— Его купила мне мама.

— Понятно. Наверное, он напоминает тебе о ней.

Медея попыталась вспомнить, думала ли о маме, глядя на этот пояс.

— Нет, — ответила она. — Он красивый, но рыцари такого не носят.

— А кто такие рыцари?

— Нэввид сказал, что те же самые храмовники, только без силы.

— Не встречала таких. А пояс действительно красивый. Он подойдёт мне под платье, если проделать в нем ещё пару дырок. Отдашь мне его?

Медея замешкалась. Она не хотела отдавать пояс, он так забавно переливался в тусклом свете, и он ей действительно нравился.

— Не верь ей, она тебя обманет, — нарушила молчание молчаливая Милана и снова сомкнула губы. Больше она ничего не сказала.

— Я же не просто так прошу, — поспешила пояснить Арнея. — У меня есть кое-что взамен.

— Заколки с бабочками? — Медея помнила, что она любила носить их, когда не работала на кухне.

— Заколки мне и самой нужны. Я о булочках, — Арнея оглянулась, не вернулась ли на кухню Эльвира. — Я буду отдавать тебе свою порцию целую неделю. Хочешь? С пылу с жару, горячие — пальчики оближешь.

Медея сглотнула тугую слюну. Ей действительно все время хотелось есть, а на кухне терпеть голод стало совсем невыносимо. От запаха горячего хлеба кружилась голова, и держать рот на замке оказалось труднее, чем ей рассказывали.

— Вот, держи, — Арнея отдала Медее первую порцию, на ее талии уже красовался пояс со стразами. — Только не выноси никуда. Ешь тут. За печкой есть укромное местечко, где тебя никто не увидит. Там жарко, но это ничего. Так ещё вкуснее.

Медея так и не поняла, зачем нужно было прятаться, если она ела порцию Арнеи. Так она лакомилась целых пять дней, а на шестой ее поймала Эльвира, вытащив из-за печки за шкурку с ужасной руготней. Она отлупила ее, крича, что воровкам тут не место.

Арнея смотрела как ее лупят с сожалением, но сразу опустила взгляд, когда Медея, извернувшись от тяжелой ладони Эльвиры, пригрозила девчонкам кулаками. Обеим, и Мальвине тоже. Одна обманула ее, а другая стояла молча, вылупившись, как глубоководная рыба. "Молчание ещё хуже обмана, — подумала тогда Медея. Она навсегда усвоила для себя этот урок. — Нельзя верить всяким дурам, нельзя! Вообще нельзя никому верить. Только папе". Выволакивали ее

из кухни с крошками на губах.

Хоть Медея и не испытывала угрызений совести за съеденные булочки, ей нравилось думать, что она съедала порцию Ашеры.

Так она оказалась в отделе гидропоники.

— Я слышала, ты с кухни ко мне пришла, — Дарина уже знала о том, что ее отлупили, поэтому Медея вела себя тихо. — Ничего. Работы здесь найдется всем. Эсхекиаль попросил отнестись с пониманием, если ты сорвешь здесь пару клубник. Мы все обязаны ему жизнью, так что никто не будет тебя ругать. Уж не знаю, чем ты ему угодила, но все издержки он берет на себя. Ты любишь клубнику?

— У меня от нее красные пятна, и руки чешутся.

— Хорошая новость, — Дарина отерла руки о вечно запачканный комбинезон. — У нас здесь растут помидоры, баклажаны, картофель в кадках, редиска... она вырастает быстрее всех. И грибы есть, я покажу, как за ними ухаживать. Ты уже подходила к капсулам?

— Там лежат страшные мертвецы.

— Испугалась?

— Нет! — на самом деле Медея страсть как испугалась, но решила до конца скрывать, что она трусиха.

— Не во всех капсулах лежат тела, и они не мертвецы. Пассажиры находятся в особом стазисном состоянии, но чтобы тебе было понятнее — просто спят.

— Они все в крови, — Медея уже знала, как выглядит

кровь, даже когда она не течет.

— Потому что здесь только тяжело раненые, — Дарина не стала останавливать девочку, когда та подошла к капсуле, обвитой побегами огурцов и уставилась внутрь, прилепив ладонки к стеклу. — Когда корабль взлетел, погибло много народу, а кого удалось спасти, положили в эти капсулы. Доктор Грегори не может принять всех сразу, так что они ждут своей очереди на лечение. В губернации им ничего не угрожает.

— Даже монстры? Я видела одного внизу. Он был ужасным.

— Господин Эскекиаль утверждает, что растительность притупляет их чутье. Я имею ввиду, что в траве они не замечают людей. Поэтому гидропонику переместили сюда, чтобы листья защищали раненых.

По прозрачному стеклу покатила толстая капля влаги, крышка губернационной капсулы запотела, и от ладоней Медеи остались влажные отпечатки с ломаными потеками. Спящие казались ей такими безмятежными. Здесь, где трудно дышать от влаги, для них самое безопасное место. Наверное, они ничего не чувствовали, а вот Медея ощущала обиду.

— Я не таскала те булочки, — горько выпалила она. — Арнея пообещала мне свою порцию за пояс со стразами, который подарила мне мама. Я честно его отдала, а она меня обманула.

На слезы и всхлипывания Дарина ответила тяжёлым вздо-

ХОМ.

— Виновата она или нет, Эсхекиаль уже назначил ей наказание. Это он умеет лучше всего, — Дарина вытащила тяжёлый мешок с грунтом из небольшого отсека. Он был ещё запечатан, на упаковке большими буквами светилось "Акаи инкорпарейтед". — На, садись. Возьми лопатку, — Медея приняла из рук Дарины небольшой совок. — Высыпай из мешка вот сюда. А потом оттуда — туда.

— Куда?

— В кадку у стены. Ты, главное, насыпай. Дело нехитрое. Польза, она ведь, заключается и в том, чтобы вреда никакого не было.

И Медея насыпала, долго и очень аккуратно. Это было очень скучное занятие. Иногда она садилась рядом с мешком и ковырялась в земле руками. В эти моменты ей казалось, что она снова дома, в Ольшане и вдыхала запах сырой земли.

Земля пахла деревянным домом, в котором она росла, большой еловой рощей около дороги, лаем соседских собак и даже морозной зимой. Дурацкими туристами, которые заезжали из городов, чтобы поглазеть на одноэтажные дома и печные трубы, торчащие из крыш. Криками ее друзей, звавших на пригорок, чтобы искать русалок в топких болотах. А еще пахла ряской, резавшей пальцы до крови.

Когда Медея нашла маленьких улиток в грунте, она никому не сказала. Выращивала их тайком, чтобы никто не сказал, что она занимается ерундой. Хватало и того, что Арнея

выставила ее воровкой.

Медее нравилось смотреть, как улитки ползают туда-сюда, оставляя после себя длинный липкий след. Они такие забавные, вытаскивали усики из гладкой головы и сразу прятали обратно, когда она касалась их. Только потом Медея узнала, что это на самом деле глаза и перестала так делать. Кому бы понравилось, что кто-то лупит тебя по глазам? Ей-то было больно даже когда ее лупили по заднице.

Медея кормила их обедками и подгнившими овощами. Через несколько дней она заметила, что их стало больше, а через две недели улиток стало так много, что ей уже трудно было прятать их в кадке у стены. Улитки облепили всю стену и лезли на другие грядки. "Узнают, уж точно отлупят", — думала Медея, тщетно пытаясь спрятать улиток под крышкой поливочной системы в самом дальнем углу отсека. Она отковыривала их от стены и бросала под крышку. Стоило ненадолго замешкаться, и они мгновенно расползались.

Дарина обнаружила улиток, когда Медея забыла закрыть кадку и все они убежали. Девочка зажмурилась, втянула голову в плечи и приготовилась получить. Когда истошный крик Дарины, наконец, умолк, ничего толком-то и не произошло. Она убежала куда-то, потом пришли инженеры и кое-кто из кухни, а потом улиток у нее отобрали. Все до единой. Когда Медея впервые попробовала их на своей тарелке, к удивлению своему, не испытала никакой грусти. Наверное, она перестала любить улиток, когда их стало больше двадца-

ти.

С тех пор минуло почти десять лет, и ее обязанности вышли далеко за пределы отдела гидропоники.

— Внимание, верхний ярус. Добро пожаловать, гражданин, — оповестила Артифа.

Сколько она здесь бывала — до сих пор ничего так и не изменилось. Гладкие шероховатые стены, менявшие картины далёкой Земли, широкие двери, в которых поместилось бы несколько плеч, и неизменный запах дорогого вина. Порой он сменялся на запах дорогих духов, но ненадолго. Пить здесь не переставали. Разве что со временем дорогое вино закончилось, и запах напоминал кислую бормотуху из незрелого винограда.

Лучше бы она ещё раз потеряла рацию — на этот раз более тщательно. Слушать изнывающих от безделья дамочек не доставляло никакого удовольствия. Медея стояла около двери под номером "5".

Пять — несчастливое число. Пятого числа они узнали о катастрофе, пять самых близких ей людей она потеряла с тех пор, и на пятой клубнике у нее начинал болеть живот. Если бы Медея могла, она бы запретила число пять. После вежливого стука в дверь внутри что-то зашевелилось.

Высокая, грудастая, в розовых тапочках с жертвенным пушком на остром носике и бокалом в руках, Меннив вальяжно оперлась о косяки двери:

— Все, что есть на этом чертовом корабле — мое, — она

нависла сверху, оттесняя большой грудью. Из комнаты пахнуло духами и стареющим телом. — Я угробила половину своего состояния, чтобы переделать это убогое суденышко хоть во что-то пригодное. Я купила землю, семена, топливные элементы, дополнительные щиты и атакующие заряды. Дай-ка еще припомнить, что еще? — Меннив тряхнула блондинистой головой и сделала вид, что задумалась. Лицо ее несло бремя длительного запоя. — Ах, да, я купила ваши улыбки. Так что будь добра, сделай лицо попроще, дорогуша.

Не будь Меннив Ланшерон такой богатой, она бы вырвала ей клочок волос. В конце концов, по прилету на Марс можно сделать себе новые. Нацепив на лицо кривую улыбку, Медея сделала шаг за порог.

— Так-то лучше, — похвалила Меннив.

— Это ненадолго.

— Ах, вот как.

— Мне просто нужно сделать замеры. Улыбнуться не сложно, если такова плата за вход.

— Хотелось бы, чтобы от чистого сердца.

— Тут рвотой пахнет.

Верхние каюты предназначались для старшего офицерского состава, ведущих инженеров и единичных приливегированных гостей, так что они были очень просторны, даже по меркам пассажирских лайнеров. Большая кровать у дальней стены, торшеры на высоких ножках, кресла с шелковой обивкой, длинные полки из красного дерева, непонятно за-

чем нужные, и пудовые подушки — вряд ли офицеры пользовались всем этим. Скорее всего, Меннив снабдила корабль махровыми одеялами точно так же, как и своим непомерным эго.

— Самый лучший подарок — молодость, — Меннив последовала за Медеей, а потом плюхнулись на кровать, удивительным образом не пролив ни капли. — Десять лет в космосе утомляют. Но молодости все нипочем. Скажи мне, как выглядеть такой же привлекательной как ты?

— Выключите пожалуйста свет, госпожа Ланшерон, — Медея заменила пустую бутылку из черного стекла в углу комнаты на треугольный анализатор. Прибор защелкал, отклонив влево центральную, красную стрелку. Немного — совсем не достаточно, чтобы испугать Меннив плохими новостями.

Меннив выключила свет.

— Вот вы и стали привлекательней, — все же, не клочок волос в ее ладонях, но уже что-то.

Меннив схватила маленькую подушку с кровати и бросила ту в Медею, без особой злости. Женщина полулежала, суча ножкой. Пушистая туфелька сорвалась с ее стопы и упала.

— Как только «Гофор» взлетел, все тут же забыли, чем мне обязаны. Только капитан Анман помнит. Да разве этого много? Никто не думает о Меннив Ланшерон, кладя помидор в свою тарелку, или прячась в убежищах, снабженные усиленным радиационным щитом, купленным, к слову, на

запасы после моего развода. Или, к примеру, прося у Грегори противозачаточные. Люди склонны забывать добрые дела.

— Я думаю, большинство тех, кто помнил, умерли много лет назад.

— Хочешь сказать, что я старая? — прошипела Меннив, сузив глаза.

— Нет, что вы. После взлета погибло много людей, больше половины пассажиров. Наверняка среди них были те, кто был предан вам до самой глубины своего сердца.

Ну, или до глубины сердца Меннив. Медея была уверена, что там не очень глубоко.

Меннив восприняла трогательную речь с невинностью, присущей только людям выпившим. Слишком долго они дрейфуют в космосе, чтобы смотреть правде в глаза. Почти все на этом корабле ее ненавидят, сколько бы разводов она не вложила в этот корабль, чтобы всех их спасти.

— Разве ты летела не по спискам?

— Нет, меня взял на борт Эсхекиаль.

— У него всегда был дурной вкус на своих любимчиков.

Можешь перестать улыбаться.

Кроме волос ещё был розовый пух на тифельках, его бы Медея тоже выдрала. Молчание на верхнем ярусе было совершенно не сравнить с молчанием в любом другом месте. Здесь приходилось иметь недюжую выдержку, чтобы не загреметь в карцер за побои.

— А, впрочем, я передумала. Никакая ты не красавица. Знаешь, кого ты больше всего мне напоминаешь? Фарфоровую куклу моего дядюшки. Такая же худая и бледная, а на голове — копна. Так голова кажется еще огромней, — Меннив качала ногой, уже без туфли. — Если выключить свет, как сейчас, та фарфоровая кукла здорово нагоняла жути. Знаешь, если бы Анман разрешил использовать гибернационные капсулы, мы бы сейчас не разговаривали с тобой, и ты бы не думала, какая я тварь и как побыстрее смыться отсюда. Я бы сохранила молодость, и всем было бы плевать, чем они мне обязаны хотя им и так плевать. Ненавижу эти стены.

— Капсулы предназначены для раненых, — Медея знала, что капсулы — единственное, что капитан не соглашался отдать верхним ярусам ни под каким предлогом. — Наверное, вам довольно вина.

— Ещё чего.

Медея действительно была худенькой и не слишком высокой, но ее еще никто не называл жуткой. Глядя на себя в зеркало, она даже находила себя симпатичной, лицо у нее было овальное, черты довольно мягкие, глаза бледно-серые, почти прозрачные, а на голове вилась большая копна темно-русых волос. Жесткие спирали путались друг с другом, походя на шипящие змейки.

— Скука... скука и скорбь, — Меннив выглядела расстроенной. — Всего вина в мире не хватит, чтобы вынести эти тягучие дни. Очень надеюсь, что мы скоро прыгнем.

Глава 5. По рукам

Все еще пахло сыростью и кое-где плесенью. Но уже не той, что сгорела под натиском Пламени Проявителя. Обычной плесенью, какая развивалась от сырости. В тоннеле горел свет. Свернуть ли к казармам он решит по пути.

Марк поднялся из тоннелей на второй ярус, где был слышен тихий гул двигателей. Подойди он ближе к стенам, почувствовал бы легкую тяжесть. Даже отсюда, с противоположной стороны коридора, чувствовалось притяжение гравитатора. Ближе лучше не подходить, если не хочешь отскребать от ребер собственное сердце. Оно уже билось глухо, тяжело, но все лучше, чем постоянно парить в невесомости, за дюжину лет износив его до состояния мочалки.

При приближении гравитаторы тянули к себе, как магнит железную стружку. Порой Марк чувствовал себя такой стружкой — тонкой и заковыристой, с острыми краями. Пусть она мелкая, зато сделана из металла. Марку нравилось сравнивать себя с чем-то твердым, что не гниет и не ломается. А если железо нагреть, оно накалится и может обжечь. Он точно накалится до бельма, если увидит Элию под самодовольным денежным мешком. А Марк и без того бледный, еще белее ему быть ни к чему.

Что бы не произошло за стенами казармы, по итогу он окажется дураком. Да таким, что о его безупречной репутации

ции можно забыть. Корабельные сплетницы получают отличный повод опорожнить языкастые головы, Элии достанется клеймо потаскухи, как половине девок на этом корабле, а он нацепит на голову два больших рога. А ведь он даже ни разу ее не имел. Так себе расклад. Сегодня корабль уже получил одного шута, двое для него слишком роскошно.

Из столовой на третьем ярусе тянуло морем и улитками, Андрэ швырнул в соседа поднос с едой, обидевшись на слово "снисходительно". Он всегда злился на то, чего не понимает. Барни подхватил на лету котлету, соскочившую с подноса, и съел одним укусом — упавшее тебе не принадлежит, так что тренироваться теперь Андрэ голодным. Ему даже полезно, этому огромному задиристому верзиле, хоть тот и не дотягивал до Сэма полголовой.

В спортивном зале слышался лязг тренажеров и разрозненные крики «красных», мимо прошмыгнул кто-то из экипажа, сверкнув крыльями на погонах. Марк остановился у приоткрытой оружейной. Не той, где по стенам развешаны импульсники разных размеров, марок и мощности поражения. В общем всем тем хламом, который в условиях замкнутого пространства был почти бесполезен. В этой оружейной на стенах блестели длинные острые клинки.

У по-настоящему годного оружия отсутствовал курок и прицел. Свою детскую пугалку с десятой долей импульсного заряда Марк ненавидел всем сердцем. Надоело осторожничать, все время оглядываясь, достаточно ли далеко он нахо-

дится от внешней обшивки корабля и каких-нибудь важных систем.

Ему больше нравился огромный нож, закрепленный на поясе с другой стороны. Длинный, с черной шершавой рукоятью, серебряным набалдашником и широким лезвием, загнутым остриём чуть наверх. Испульсником Марк пробивал хитин, остальное дело оставалось за холодным металлом. Любой дурак сможет разнести в клочья зарядом, а ты попробуй зарезать. Аккуратно и четко, чтобы оттирать не пришлось. Марку нравилось, как лезвие погружается в мясистую вонючую плоть, как чудовища вопят, чувствуя, что он проворачивает его со всей силы. Один раз, два, три. Чистая работа — признак мастерства.

«Ножи носят только те, кто имеет яйца, — сказал себе Марк. — Среди них рогатых нет».

В оружейной сидел Нэввид, сосредоточенно начищая свой меч. Марк вошел без стука и сразу направился к стене.

— Разве уборка на нижних ярусах закончилась? — Нэввид приподнял рыжие брови, бросив промасленную тряпку на пол.

Взяв длинный полуторный за рукоять, Марк заставил скользить лезвие в воздухе, словно невесомое. Послышался легкий свист, похожий на пение соловья. Стальное лезвие сверкнуло под ярким светом настенных ламп, Марк направил его на Нэввида, примериваясь по стальному клинку, словно в прицел. Вечно рядовые храмовники дуреют, считая

его равным себе. Ведали бы они, сколько он знает, и сколько скрыто от них. Работа с Эсхекиалем пятнает совесть почище разлитого кофе на белоснежный передничек.

— Это было больно? — Марк щурил глаз, держа фигурку Нэввида прямо на лезвии, как маленького солдатика. Нэввид встал, сломав забавную картину.

— Ты о чем?

— О силе. О даре. О поцелуе фортуны. Способностям можно давать разное название, в зависимости от настроения, — Марк убрал клинок, ткнув его острием в пол и встал, сложив ладони на гарде, словно рыцарь. Хотя он презирал их так же, как и плохое оружие, — Я много раз слышал, что Пламя приходит с болью. Тебе было больно, когда оно пришло?

— Мне кажется, ты что-то не то слушал.

— Ну как же? Однажды об этом упомянул сам Эсхекиаль. Он сказал, что сколько раз приходит Пламя, столько раз и больно. А сильнее всего в первый раз. Первый раз... звучит, как что-то очень невинное, и в то же время неприличное.

— Да пошел...

— Разве вам можно ругаться?

— Я и не собирался, — возразил Нэввид, хотя Марк был прав в своих догадках — выругаться очень хотелось.

"Храмовник должен быть сдержан и вежлив", — учил его Эсхекиаль, и Нэввид решил последовать его совету, наверное, еще потому, что не было настроения спорить.

— Не все, что рассказывают правда, — с некоторым сми-

рением произнес храмовник.

— Думаю, Эсхекиалю-то можно доверять. В нем живет первозданное Пламя. Он не рассказывал, как сильно ему было больно, хотя я спрашивал. Много раз. Храмовники тоже носители Пламени, наверное, я просто хочу, чтобы ваши привилегии хоть как-то окупились. Иначе в чем смысл? Боль — вполне честная плата за сверхспособности.

— Ну ты сравнил, — Нэввид подошел к креплениям, где висели мечи, и приложил свой к магнитному диску. Меч прилепился к нему — новый и блестящий, никогда еще не бывший в бою. — Наши способности ничто по сравнению с Эсхекиалем. Мы не можем проявить монстров, хотя можем их убить. У нас не получается раздувать силу и бросать волны, видеть сквозь стены, слышать... да много еще чего мы не можем. Сила Проявителя бесконечна, а у нас только та, что в наших руках, — Нэввид с улыбкой посмотрел на ладони, испачканные маслом.

— Упражняешься в скромности? Раньше за тобой я такого не замечал.

— Храмовник должен быть примером смирения, — назидательно отвечал Нэввид, хотя Марк снова оказался прав. Накануне Эсхекиаль прочел ему лекцию о вредности бахвальства и пользе молчания о своих подвигах, и парень решил немного потренироваться в словесном воздержании. Правда, не знал, надолго ли его хватит. Грех уже стоял на пороге, соблазняя новыми рассказами. Храмовники ведь то-

же люди, а люди грешны и не совершенны.

— Когда у тебя открылся дар?

— В десять лет. Мне было совсем не больно, только лихорадило жестоко, что я выдержал с большим достоинством. Даже Эскекиаль отметил мою стойкость.

— А если без лишней шелухи? Факты.

— Шелухи? Да как — тут Нэввид вспомнил о собственном смирении, предположив, что Марк может быть испытанием его стойкости. — Ладно. Я спас Даррела от нападения твари, высасывающей из него кровь. Забил ее голыми руками.

— Ах да помню, помню. В тот период были отлично начищенные унитазаы слушай, а ты не помнишь, как она выглядела?

— Откуда мне знать? Я ее не проявлял. Она осталась почти прозрачной.

— Может, поэтому храмовникам и не больно, — задумчиво произнес Марк. — Пламя не мучает вас в каждом бою. Одного раза ему вполне достаточно. Значит, вы просто не такие сильные.

— Это значит, что нам требуется быть в три раза храбрей, — оскорбился Нэввид. — Плесень отведала моего меча, если ты забыл.

— Вот только Эрнесту это не помогло, — напомнил ему Марк. — И ты сидишь тут, чистишь мечи, которые никто никогда не возьмет в руки, а он дрейфует прахом где-то да-

леко в космосе. Его даже не переработали в компост, потому что испугались. А вдруг после сожжения осталось что-то потустороннее?

— Не осталось.

— Если бы знать, откуда берется сила... больше мечей — больше шансов выжить, но видимо Пламя выбирает совсем бездумно. На корабле всего четыре храмовника и полным-полно взрослых, крепких мужчин. А оно даёт силу какой-то хилой девчонке. Медея совсем ни о чем, сам понимаешь.

— Не говори так. Медея хорошая девушка.

— Это ее единственное достоинство.

— Эсхекиаль говорит, что иногда этого достаточно.

— А как сам думаешь?

— Никогда не знаешь, что и когда пригодится.

— Защищаешь ее, потому что она твоя подруга. Но правда есть правда — любой лучше нее, а уж ты и подавно. Лучше бы на ее месте была Ашера. Пятнадцать свободных мечей и всего четыре храмовника... кого вы можете спасти? Это никуда не годится.

Иногда Марк говорил так, что Нэввид не понимал, оскорбили его или наоборот похвалили. Но то, что храмовников очень мало по сравнению с количеством мечей, было абсолютной правдой. Да и про Медею он ни разу не соврал.

На «Гофор-3» должны были подняться пятнадцать храмовников, для них заранее отвели оружейную и смастерили

мечи, еще ни разу не настроенные на чью-либо ДНК. Случилось, как бывает всегда: в назначенный день на космодром напали и все пошло не по плану. Вместо пятнадцати храмовников на борту осталось только двое, и еще один Провидитель, непонятно откуда взявшийся. Некоторые посчитали это равноценным обменом, а вот другие знали: один Провидитель стоит сотни храмовников, а то и тысячи, так что это не обмен, а подарок судьбы.

Оружейная была настолько мала, что мечи не помещались на одной стене, семь висело на одной стороне, и восемь на противоположной. Большинство из них выглядели одинаково уныло: длинный клинок идеальной заточки, гладкая гарда без узоров и щербин, увесистый набалдашник, в котором можно было увидеть свое уродливое отражение — круглый нос и маленькие глазки. Заводской штамп.

Но два других меча — меча, которые наверняка держала чья-то рука, выглядели совсем иначе. У одного по клинку тянулся узкий дол, у другого отпечатались тонкие кресты на стали. В них забились сухая кровь, которую Нэввид никак не мог вычистить. У длинного гарда была в виде размашистых крыльев, с набалдашником из вороньей головы. Клюв острый, в глазах рубины, в рубинах застревал окружающий свет, отчего они казались кровавыми. Ворон всегда смотрел вслед, куда бы ты не направлялся. У того меча, что чуть короче и с крестами, гарда выполнена в виде сжатых кулаков. Набалдашник спиральный, с зеленым изумрудом на верши-

не. Красивые клинки. Они принадлежали кому-то, кто уже мертв.

— Зачем ты сюда пришел? Я чищу мечи, ты — ангар, — Нэввид откупорил бутылочку с маслом, стоявшую около стены на длинном столе и накапал немного в фарфоровую миску, белую с синей каймой. — Еще шесть осталось, — он посмотрел на меч в руках Марка. — Семь. Дай сюда, у меня нет времени для пустых разговоров.

— С каких пор Нэввиду некогда поговорить о своих подвигах? — Марк сделал шаг назад, смахнув меч за спину.

— А ты хочешь поговорить о моих подвигах? — с подозрением сощурился Нэввид, раздумывая, стоит ли гнать Марка за дверь. Все же он вожак красных, и, если хочет обсудить его достижения, стоит пойти навстречу.

— Шучу. Нам обоим особо нечем похвастаться. С тех пор, как Гофор прорвался на орбиту, не было больше такого ужаса, как в первые часы полета. У меня из трофеев несколько инсектицидов, а у тебя кто знает, что у тебя? Никто не видел, кого ты убил. Шел черный смог, воняло, как от Большого Сэма, значит, кого-то, да порешил. Но это все равно круче того, что сделал я. Это не лесть, это — факт.

— Тебе от меня что-то нужно, — догадался Нэввид. — А я уже и уши развесил.

Марк одним движением закинул меч себе на плечо, лезвием плашмя.

— Дай мне несколько уроков на мечях.

— У тебя силы нет. Зачем?

— Меч — тот же нож, только длиннее и тяжелее. В бою часто не хватает чего-нибудь поувесистей. Приходится мучиться с импульсниками, чтобы пробить броню. Хорошее оружие опасно для систем корабля, а слабое бесполезно. Я устал быть чертовым акробатом, занимая правильную позицию, чтобы не повредить чего-нибудь важного. Как с целкой, ей-богу. Мои глаза на затылке скоро вылезут из орбит.

— Меч не пробивает броню, — ответил Нэввид. — Сам по себе не пробивает. Только вместе с силой. Она, конечно, бывает разная, но все, что толще сантиметра меч не берет. Как только включается синхронизация с ДНК, лезвие режет любую толщину.

— Откуда знаешь? — нахмурился Марк.

— Я проверял, — признался Нэввид. — На проявленных монстрах. Помнишь аномалию около Урана?

— Помню, — Марк был серьезен.

— Так вот. Когда Эскекиаль проявил тех козявок, я отключил кодировку ДНК, чтобы проверить, смогу ли порубить их без силы. У них были очень твердые панцири, поэтому я сомневался. И не зря, — Нэввид тщательно проходился тряпкой по клинку, вверх-вниз, и снова вверх — уже седьмого по счету, — Без кодировки панцири даже не треснули. Но когда сила перешла в клинок, их расколело надвое, словно раскаленный нож вонзился в масло. Эскекиаль говорит, что кодировка ДНК это как продолжение руки.

— Кажется, он говорил что-то про сердце.

— Да. Что меч — продолжение нашего сердца. Это мне тоже нравится.

— Глупо. Поэтично, но глупо.

— Не важно, как. Главное, что это правда. Без кодировки ДНК не достать не скрытых, ни явных монстров. Так что меч без силы — бесполезная железяка.

— Бесполезные железяки не начищают раз в неделю до зеркального блеска. Ты трешь так, будто для них есть свободные руки.

— Может, не на корабле... на Марсе найдется кто-нибудь достойный, чтобы их взять. Оружие нужно держать наготове, а враг всегда найдется.

Надо же, этот рыжий урод даже не допускал, что на корабле у кого-то еще может открыться дар, кроме него и пары стариков. Внутри царапнуло, хотя Марк виду не подал. Ему-то какое дело? Что вообще такое сила? Способность достать чуть дальше, замечать чуть больше. Можешь убить тварь, которую никто не видит. Давало ли это преимущество? Вряд ли. «Красные» имели право бежать, храмовники — нет. Никто слова не скажет, если Марк спасет свою задницу и задницы своих ребят, если монстр не проявлен и ходит невидимым по коридорам корабля. В таком бою толку от них мало — его им не достать. А вот в храмовника будут тыкать пальцем, если он даст деру, какова бы ни была огромной тварь. Может даже плюнуть пару раз. Стой насмерть — и все тут.

Нет в этой силе ничего хорошего. А вот в длинных мечах — есть.

— Люди обожают перестраховываться. Напичкали корабль бесполезными оружием, — Марк подошел к двум мечам, отличающимся от остальных — красивым, с драгоценными камнями. — Кроме этого, конечно. Как они здесь оказались? Где их хозяева? Они не выглядят как заводские болванки.

— Эскекиаль рассказывал, что на корабле были храмовники, но они погибли в первые часы полета. Это их мечи.

— Так значит на корабле их было тринадцать?

— Ну да.

Марк рассмеялся.

— Живые, мертвые... количество клинков от этого не меняется. Не все панцири такие прочные, как ты говоришь.

— Легче сделать выстрел, чем пытаться ковырять.

— А можно сделать выстрел и всадить в рану большой клинок. Он лучше, чем нож, эффективней, — Марк прищурился. — Или ты боишься, что я настрою их на свою ДНК?

— Какой в этом смысл? Силы-то

— у меня никакой нет, — закончил за него Марк, раздражившись, что ему постоянно напоминают об отсутствии дара. — Я могу попробовать. Из любопытства, из гордости. Гордость очень непослушное чувство. Или лучше сказать гордыня? Смертный грех. Если силу дает крест, может, поэтому у меня нет дара?

«Но тогда и у тебя его не должно быть, хвастливый ты индюк», — подумал Марк, только вслух не сказал.

— На этом корабле нет ничего полезного. Либо дохлые импульсники, либо ножи. Даже мачете нет. Снабдили нас какими-то зубочистками. Когда придет время, "красные" пойдут в бой с голыми руками.

— Эсхекиаль так решил, не я. Сказал — не положено, значит, не положено. Если хочешь, спроси у него сам. Только он не разрешит.

— А ты не говори ему.

— И зачем он тебя над «красными» поставил, ума не приложу.

— Просто мы уважаем друг друга, — Марк на удивление легко подкинул меч в воздухе, тот сверкнул, сделал несколько оборотов и приземлился посередине его ладони, глядя острием в сторону Нэввида. Ловко. Идеальный баланс. — Он меня за то, что я не плачу над каждой переломанной шеей, а я его, что он не строит из себя святошу, сколько бы крестов на себя не напяливал.

А разве не так? Знали бы, кому они в рот смотрят, пылу бы у них поубавилось. Сначала Марк думал, что это какая-то хитрость. В тот вечер Проявитель сам пришел к нему и сел на жесткую солдатскую кровать, сцепив длинные пальцы под подбородком.

«Мне нужен кто-то готовый спуститься со мной в тоннели», — сказал Эсхекиаль. В тот момент Марк не совсем по-

нял, почему визит требует приватной обстановки. А как же капитан? Не лучше ли сначала обсудить детали именно с ним? Подвох — сразу же догадался Марк. Проверяет его? Хочет подловить. Или присматривает для него замену.

Нет, все ерунда. Эскекиаль не из тех, кто строит козни за спиной капитана и виляет как флюгер на ветру. Он до тошноты прям. А если не хочет, чтобы знали правду — лучше промолчит. Да, Проявитель мастер замалчивать самое важное. Только в тот вечер у него были совсем другие планы.

«Возьмите Эндрю, или Кейси», — ответил Марк, раздумывая, угостить ли Эскекиаля сахарными палочками. — «Если хотите, я могу пойти с вами».

«Нет, со мной ты не пойдешь», — спокойно и вкрадчиво произнес Эскекиаль. — «Главный нужен мне наверху. Ребята тебя слушаются, не каждый может найти к ним подход», — Проявитель сразу развеял предположение о том, что хочет заменить Марка кем-то менее находчивым. — «Мне нужен кто-то другой. Кто-нибудь храбрый, с головой на плечах».

«Минхо? Он храбрый, и мозги у него имеются. Хватит, чтобы не палить, куда не следует», — ответил Марк.

«Нет, он не подойдет. Слишком импульсивный. Нужен человек поспокойней. Который не будет рваться вперед, но и не сбежит при виде опасности», — ответил Эскекиаль, а потом сделал длительную паузу. — «Я даю тебе шанс, Марк. Подумай хорошенько. Не все рады, что ты стал командиром,

только не решаются сказать об этом. Присмотрись. Может, найдется кто-нибудь, кто спит и видит, чтобы ты оказался где-нибудь в другом месте. В космосе, например», — Проявитель слабо улыбнулся. — «По-настоящему опасный противник спокоен, рассудителен и умен, а остальные тебе не страшны. Так что выбирай тщательно, кого не жалко».

Удивительно прагматичный подход. С этого момента Марк начал уважать Проявителя даже больше, чем ему хотелось.

«Эрнест», — не долго думая ответил Марк, и оба получили то, что хотели — Эскекиаль свою идеальную приманку, он — послушных ребят без смуты в умах. Эрнест умел точить на Марка зуб, тихо, размеренно и спокойно, и учил точить зубы всех остальных. Сколько бы Марк его не поддавливал, сколько не продавливал, тот опять за свое. Скользкий был этот Эрнест. Скользкий и осторожный. Сейчас уже мертвый. Теперь острые зубы только у Марка.

Тем временем Нэввид начал собираться: сливать остатки масла в специальную баночку, складывать тряпочки в стопку, повесил мечи на место. Видимо, с бесполезными делами на сегодня закончено.

— Да ладно тебе, — усмехнулся Марк, отдавая отобранный у стены меч Нэввиду. — Я не из тех, кто трясется над первым впечатлением о себе и мечтает о даре, от которого одни неприятности. Мне просто нужно скинуть кое-какую информацию, а сделать это совершенно бесплатно мне не

позволяет совесть.

— И какая же это информация, что нужно ее на меня скидывать? — проворчал Нэввид, поняв, что Марку совершенно не интересны его подвиги.

— Кое-кто находится кое-где, и делает кое-что, — ответил Марк. — Этот кое-кто тебе очень не нравится и делает кое-что, что тебе очень не нравится.

Если честно, этот кое-кто не нравился половине мужского населения корабля, но никто ничего поделать не мог. У Эуридида Ли за плечами высились горы из денег, покровительства самого капитана Анмана и какого-то долбанного обаяния, Марку непостижимого. Даже если бы Марк захотел, не смог бы дотянуть до него свои лапы. А вот насолить можно попытаться. Эуридид потоптал половину девчонок на корабле, даже тех, кого опасно для здоровья — в прямом и переносном смысле. Пара эпидемий срамных болезней прошла по кораблю именно из-за него. Паренек игнорировал опасность так же, как разъяренных мужей своих пассий.

— И кто это? — Нэввид встал в охотничью стойку, словно пес, почуявший добычу. — Где?

Кажется, Марк пережал болевую точку сильнее, чем планировал. Он не со зла. Хотя, его бы воля, он продавил бы до самых костей. Увы, он может только дразнить.

Эсхекиаль ставит храмовников в рейды. Рейды — единственное, что не подлежало обсуждению. Капитан Анман считал безопасность корабля важнее насыпей золота у сво-

ей каюты. Разве плохо, если во время рейда вскрыется какой-нибудь гнойный нарыв?

Марк дал обещание Мелании, что разберется с вопросом, и как можно скорей. Через мгновение он уже пожалел об этом, но ничего не поделаешь, обещания нужно выполнять. Репутация доставалась ему дорого, как все на этом долбанном корабле на расстоянии миллионов километров от Земли. Сейчас она зависела от длинных женских языков, могших его уничтожить, если вдруг он окажется балаболом.

Время неумолимо утекало сквозь пальцы. Хотя по слухам Эуридид был очень выносливым, все равно не стоило слишком тянуть.

— Два занятия, и Эуридид у тебя в кармане, — улыбнулся Марк. — Бери. Цена бросовая — всего пара уроков.

— Один, — ответил Нэввид.

— По рукам.

Глава 6. Колдун

Если бы у Ашеры имелась собственная комната, она не научилась бы так ловко уходить от монстров. Скрыться от щупалец, острых игл и клешней гораздо проще, чем от похотливого взгляда соседа. Тот еще и липким бывал, что не отмоешься. Энтони, казалось, был всегда начеку. Не мог удержать язык за зубами даже когда она наклонялась почистить собственные ботинки. Ему хватало наглости называть свои пошлости комплиментами.

Однажды он прямо сказал, что изголодался по такой женщине, как она, так Ашера накормила его хорошей взбучкой — нити кистеня в то утро свистели так, что Энтони неделю лежал только на боку. Все остальное, включая живот, было исполосовано до кровавых полос. Ашера спросила еще, не нужно ли ему добавки, потому что сила нитей была выкручена только на половину мощности, мог и не наестся. Энтони отказался, а через неделю снова начал молоть своим языком. Девушка решила, что животные инстинкты у некоторых людей сильнее, чем доходчивые уроки. Разве что отрезать ему причиндалы, но пока Энтони, вроде как, этого не заслужил.

Система жизнеобеспечения поддерживала одинаковую температуру на всем корабле, но это вовсе не означало, что железный организм везде жил одинаково. Заброшенные отсеки не отключались от единой системы, только что-

бы поддерживать общий баланс. В таких местах «Гофор-3» был похож на корабль-призрак. Порой казалось, что он скорее мертв, чем жив, или крепко спал — в темных уголках необитаемых казарм, пустующих кают и бесполезных складов трудно отыскать хоть один всполох энергии. Капитан экономил. Иногда даже больше, чем следовало — впрок. Зачем снабжать отсеки, в которых живут только мертвые воспоминания? Зачем выделять каждому по каюте, если три кровати прекрасно уместятся и в одной?

Ашера порой спрашивала себя, ценят ли такую жертву цветущие сады верхних ярусов. Она научилась переодеваться под одеялом, возвышаясь над кроватью, словно шерстяное привидение. Девушка была "красной", значит, и жила как красная. Вместе с красными ела, вместе с красными тренировалась, и вместе с красными делила одну каюту на четверых. Среди соседей не нашлось ни одной девушки. В "красных" их водилось немного, всего трое, и остальные предпочли лечь под кого-то из местных, чтобы не терпеть нападков таких, как Энтони. Семейным капитан выделял отдельные каюты.

Небольшая казарма представляла собой комнату в пятнадцать квадратных метров, с хорошей вентиляцией, четырьмя кроватями, отхожим местом, душевой, сносным отоплением и огромным информационным дисплеем — она имела все, ради чего они, собственно, здесь и собрались. Рядом с душевой, прямо по правую руку, в стене имелся неглубокий про-

ем, прикрытый тонким слоем матового стекла. С тех пор, как его обесточили, оно уже никогда не становилось прозрачным. За стеклом, прикрыв розовые веки, покоилась кукла для интимных утех. Золотистые волосы струились вниз, ниспадая на округлые покатые плечи. Долгие перелеты скверно сказывались на солдатах, и Конфедерация сочла соития по графику медицинской процедурой. На каждые десять кают имелась такая кукла, безмолвная или говорящая приятные слуху слова — кому как нравилось, мужчины любили послушать сладкую ложь. Многие даже охотно в нее верили.

На своем веку Ашера не припоминала, чтобы куклу когда-нибудь включали. Считалось, что для этого требуется очень много энергии. Но когда девушка уходила из каюты, частенько слышала шуршание створок стекла у себя за спиной.

Длиннолицый Джером лежал на кровати, изучая устройство плазменного резака. Его длинные вытянутые пятки, точно такие же, как и лицо, иногда производили круговые движения в воздухе и резко замирали. Затем все повторялось вновь. Он делал так, когда что-нибудь не понимал — за долгие два года соседства Ашера выучила его повадки наизусть. Лысый Энтони замазывал синяки у себя на теле: недавно его хорошенько отделали в спортзале, и он усиленно делал вид, что ему не больно. Один из многочисленных синяков принадлежал руке Ашеры — та двинула его локтем в ребро, когда он залез к ней под одеяло глубокой ночью. Спу-

стя год он не оставил попыток пристроить к ней свой причиндал, и она периодически проставляла ему синяки, удачно теряющиеся среди остальных. Он был так же глуп, как улитки на белковой ферме, и еще хуже держал удар на ринге. Полосы от кистени на его теле появлялись не только из-за длинного языка, то же самое Ашера с легкостью проделывала с ним в зале в спарринге один на один. Если он вылетит из красных, может не рассчитывать на ее поддержку.

Темноглазый Мароу сидел на кровати и ковырял в носу. Все шло своим чередом.

Дверь отворилась, и на пороге появился Нэввид. С мечом на кожаном ремне, в кольчуге и белой тунике с красным крестом поверх.

— Куда ты так вырядился?

— Подошло время рейда. Хранить покой родной обители — наша святая обязанность, — пафосно произнес Нэввид, уверенно шагнув через порог. Правая ладонь решительно коснулась рукояти меча, подбородок помпезно взлетел к потолку. Выглядело это просто ужасно. Беда в том, что Нэввид этого совсем не замечал. — Ашера, идём, мне понадобится твоя помощь.

Парень оглядел присутствующих. Никто не обратил на него особого внимания, а Мароу так вовсе даже не вынул палец из носа.

— На корабле нет угрозы аномалий, или я чего-то не знаю? — Ашера отбросила одеяло в сторону, перестав быть

привидением. — Или Эскекиаль объявил чрезвычайный обход? Зачем тебе "красные"?

— Кое-кто желает послушать о моих подвигах.

Лысый Энтони прыснул от смеха:

— Побереги чужие уши.

— Это почему?

— Рассказывать ты профи, да вот каждый раз другое. Не помню, чтобы ты хоть раз повторялся. Тебе верить, так ты чудищ убил больше, чем Проявитель за всю свою жизнь. Сколько тебе? Пятнадцать? Восемнадцать? Когда столько успел?

— Иногда я сражал пятерых одним ударом.

— Ха! Ну заливаает, — прыснул Энтони. — Думаешь, если монстры невидимы, то можно любую лапшу на уши повесить? Я верю только тому, что видел собственными глазами. Оставь свои байки про кровь и кишки кому-нибудь другому.

— Ничего ты не смыслишь в прекрасном, — укорил его Нэввид совершенно искренне. — Когда-нибудь о наших подвигах будут слагать песни, а с таким подходом твоего имени там не будет.

— Ну и плевать. Твое будущее — плюнул и размазал. Нет его, понимаешь? Есть только сейчас. А прекрасное — это то, что можно потрогать. Женщины, например. Вот это прекрасная штука. У них точёная фигура, шелковая кожа и мягкие волосы. Толстые тоже ничего, есть за что подержаться, но мне больше нравятся стройные и грудастые. Я как раз знаю

одну такую. У нее острые зубки и ореховые глаза, как у кошки. Тебя же поэтому называли Ашера? Как глазки разлепила, сразу замяукала. Другие имена тебе бы не подошли.

— По синякам соскучился? — фыркнула Ашера.

— Ну-ну, не шипи. Побереги хвостик.

— Думаешь я все вру? — оскорбился Нэввид.

— Может врешь, а может и нет, — лысый пожал плечами.

— Кто знает, что из сказанного тобой правда?

— Что-нибудь да правда, — рассмеялся Нэввид. — Вот и гадай теперь, что.

— Больно надо.

— Пошли, — Ашера выскочила в дверь, схватив Нэввида за локоть. — Расскажешь, что там за слушатель объявился.

— Я могу попросить Эскекиаля отселить его от тебя, — они вышли в коридор, тускло освещенный тонкими протяжными лампами.

— Не надо. Он безобидный. Помолет языком, получит пару ударов в бок и успокоится. Больше говорит, чем делает. На его место может прийти кто-нибудь, с кем у меня точно не заладится. А Джером и Мароу балуются с куклой и меня не достают.

— Жаль... вернее, я не от чистого сердца хотел тебе помочь, — признался Нэввид. — Мне услуга нужна.

Они прошли по длинному коридору, вскоре свернув налево — в белесый тоннель с двумя черными диванами у стены.

— С каких пор рыцари совершают подвиги за услугу? —

рассмеялась Ашера. — Я думала, им хватает только славы.

— Так я с благородной целью. Считай, два подвига за раз. Кто ещё так умеет?

— Ай-яй. Вот скажи мне, зачем тебе так много трепаться? Люди смеются над тобой. Не нужно рассказывать о себе на каждом углу, или повторись хотя бы раз.

Нэввид и сам понимал это, но порой остановиться очень трудно. Ему нравилось сочинять красивые байки, похожие на правду. Все равно что тревожить больной зуб — не очень полезно, весьма болезненно, но в какой-то степени приятно. Тем более, он вполне имел на это право. Сколько раз он спасал другим жизнь? Не счесть. С тех пор, как в нем пробудилась сила, он таскался хвостом за Проявителем, подчищая шлейф чудовищ-недобитков. Со временем Нэввид стал отдельной боевой единицей, тогда-то он и обрел право на собственные истории.

Тот момент никогда не забыть — юноша потерялся среди серых корабельных стен, где из всего освещения были только горящие глаза монстров. А еще он помнил страх, и холод влажных дыханий, с хрипом вырывающихся из больших кожистых легких. Он размахивал мечом, пока тот не окрасился в багровый, а сердце не принялось стучать, как бешеное. Никто не должен узнать, как сильно он испугался. Каждый раз, когда Нэввид рассказывал новую байку, ему казалось, что он уводит от себя подозрение. Храмовники не боятся. Они идут туда, куда им укажут и никогда не прячут меч в

ножны. Разве плохо, что он слегка приукрасит? Монстра-то он убил.

— Люди охотнее поверят в ложь, чем в правду, — сказал Нэввид. — Но лучшая ложь — это полуправда. Где-то я об этом читал. Знаешь, Аши, я хочу, чтобы меня запомнили. Разве это плохо?

— Не знаю. Ты хочешь, чтобы тебя запомнили балаболом?

— Такого не будет.

— Тогда тебе нужно очень долго молчать. И начинать желательнее прямо сейчас.

— Глупости. Люди запоминают только то, что слышат каждый день. У них память так работает. Историю пишут победители.

— Не уверена.

— Тут, главное, не останавливаться. Если ты победил, обязательно нужно об этом рассказать, оставить след в истории, так сказать. Сегодня говорят, какой я хвастливый, а завтра будут рассказывать, каким я был храбрым.

— Храбрым и хвастливым, — поправила его Ашера.

— Почему бы и нет? Все лучше, чем забвение. Тем более, что не все, что я рассказываю неправда. Кое-что действительно было. Вот скажи, кто запомнит того, кто все время молчал?

— Запоминают поступки.

Нэввид возвел взгляд к потолку.

— Поступки забудут на следующий же день. Я уже много раз через это проходил — всегда одно и то же. Они помнят свой страх, помнят кровь и крики, а потом внезапную тишину. А того, кто подарил им эту тишину не помнят. Почти все сразу убегают и не оглядываются назад, если только их не парализовало от страха. А ты стоишь над убитым монстром, как дурак и сам себе говоришь спасибо. Может потом, когда они встретят тебя в коридоре, поблагодарят, но случается это редко. Потому что думают, что убивать монстров — моя работа, и за нее я получаю привилегии. А я ничего не получаю, разве что кормят получше. Так ведь и опасности больше.

— Они не говорят спасибо, потому что думают, ты попросишь у них что-нибудь взамен.

— А мне ничего не нужно, только чтобы помнили.

— Так говоришь, будто умирать собрался.

— Нет конечно, ну а вдруг?

— У храмовников вечная паранойя.

— Потому что мы всегда в самом пекле. Меня плесень чуть не съела, а в прошлом году инсектор оставил на шее шрам, — Нэввид разворошил рыжие волосы у себя на голове большой пятерней, будто хотел добраться до рубца. — Помнишь Миранду? Девчонка осталась без ноги, а могла бы без двух. Когда она вышла из лазарета, мне даже показалось, что она хотела меня поцеловать. Просто показалось, на самом деле я не знаю, действительно ли она этого хотела. Такую благодарность я бы принял.

— Может, она хотела упрекнуть тебя в том, что осталась без ноги? — поддела его Ашера.

— Хотела бы — упрекнула. С претензиями у людей никогда не было проблем, — возразил Нэввид. — В общем, я о том, что многие верят на слово. Особенно если есть люди, которых ты действительно спасал.

— Не обижайся, Нэввид, но твой план звучит как полная ерунда.

— Время расставит все по своим местам, вот увидишь. Меня запомнят как героя, а мои подвиги...

— Это всего лишь способ успокоить свой страх.

— Какой страх? — насторожился Нэввид. — Я ничего не боюсь.

— Страх забвения.

— А, ты про это. Не рассказывай никому. Только двое знают мои секреты ты и еще Медея.

Кроме двух подруг его тревоги замечал еще Эсхекиаль, просто молчал об этом. Нэввид допускал, что все его потаенные страхи на учете у хмурого крестonosца, ведь тот служитель чистого Пламени. Он мог сделать ему тайную выволочку, а мог и явную — при всех. Никогда не угадаешь, что Эсхекиаль посчитает нужным. Человек, помеченный клеймом Проявителя — не совсем человек. Но если он до сих пор не проявил его грехи, то уже и не проявит.

При упоминании Медеи Ашера фыркнула.

— У тебя сила, Нэввид, чего тебе бояться? Там, где

красный умрет, храмовник выживет. Вспомни Эрнеста... — Ашера поджала губы с досады. А ведь на его месте могла быть она, если бы Эскекиаль не решил иначе. Он послал ее вверх, в безопасное место, а внизу оставил его. Одно слово храмовника решило, кому жить, а кому умирать.

— Может, ты и права... — задумчиво ответил Нэввид, но без особого энтузиазма. — Сила спасает, по большому счету.

— Именно. Эрнест погиб, потому что у него не было силы. А ты — другое дело.

— Подружись с Медеей.

— Она меня бесит.

— Да почему? Хорошая же девчонка. Не глупая.

— Не глупая? — Ашера вскинула брови. — Ум не измеряется тем, как хорошо ты умеешь накладывать швы. Придет время, и она выкинет какую-нибудь ерунду, которую просто так не зашьешь. Я каждый раз гадаю, что творится у нее в голове, и каждый раз не угадываю. Ты просишь, потому что она твоя подруга.

— А зачем ты гадаешь, что у нее в голове?

— Слушай, хватит. Удивляюсь, как ты вообще можешь дружить с нами одновременно.

— Все проще, чем ты думаешь, — на лице Нэввида растянулась широкая улыбка. — Ты слишком приземленная, а Медея витает в облаках. Это как два полюса, нейтрализующие друг друга. Только с одной из вас дружить я бы не смог. Тут баланс нужен.

— Ну спасибо, — Ашера резко остановилась, развернулась, и Нэввид, шедший позади, чуть в нее не влетел. — Так и будем чесать языком? Зачем позвал? Мы идём в дальнее крыло. Кто там?

— Эуридид. Он утащил с собой Элию.

Эуридид — бессменный обитатель верхних ярусов, парень, поцелованный судьбой сразу в несколько абсолютно неприличных мест. Он зашел на корабль королем жизни, и намеревался сойти с него в точно таком же статусе, несмотря на стеснение и острую нехватку ресурсов. Отец его был видным корейским магнатом в сфере нанотехнологий, мать — миловидная французская модель, нашедшая любовь всей своей жизни. Ее любовь была огромной, чистой и нежной, настолько, насколько только может быть любовь к деньгам. Отец парня посчитал, что уладить дела важнее, чем воссоединить семью, поэтому остался на Земле чуть дольше, чем планировал. Жив ли он до сих пор, Эуридид не знал.

В наследство он получил не только внушительное состояние, но и миловидную внешность, за которую его проклинали все, кому он вскружил голову. На корабле он не изменял собственным принципам, используя свою харизму прямо по назначению — таскал девок по постелям, выбивал привелегии у капитана корабля и задира л нос перед храмовниками. Эуридид хвастался, что его состояние — второе по величине на этом корабле. Богаче только миллиардер, вошедший в десятку крупнейших IT-магнатов планеты. Может, он даже

не врал. Нэввид настороженно относился к людям, в основные принципы которых входит драть девок на корабле.

Принципы — единственное, кому он не изменял. Эуридид всегда пытался взять как можно больше.

"Присвоение женщин — главный способ показать свое превосходство. Когда отступают технологии и возвращается каменный век, мы приходим к настоящим ценностям", — однажды сказал Эуридид и с тех пор Нэввид его возненавидел. По его уму выходит, что у самого Нэввида нет никакого превосходства, и он жалкий неудачник. А как же дар? Кажется, для смазливового ублюдка способности не имели никакого значения, статус определялся только по количеству курочек, которых он потоптал. Самое ужасное, что такой же арифметикой пользовались и остальные мужчины на корабле. Только женщинам подобный счет совсем не нравился, да кто их спрашивать-то будет?

— И что ты в нем нашла?

— Не поминай прошлое, если не хочешь почувствовать кистень на своей заднице.

Когда-то робкую влюбленность взрослеющей девочки прервало грубое "на себя посмотри, у тебя бедра как у бегуна и грудь плоская", а на следующий день о ее признании знал весь корабль.

Былые времена Ашера вспоминала с неприятием. Эуридид не замечал невзрачную девочку, целыми днями тренирующуюся в спортивном зале. Потому как помнил исклю-

чительно тех, кто был ему полезен: капитана, инженеров, Проявителя и женщин, с которыми спал. Последние уносили с собой подарки, которыми он их одаривал, используя привилегированное положение VIP-пассажирского статуса. Свое превосходство Эуридид покупал за виноград, апельсины и нечищеную картошку. Иногда — абсент, и реже личную протекцию. Бывало, коленки резво расходились даже после обычного самогона из отдела гидропоники, не стоящего даже этикетки элитного вина с южных склонов французских винограден. Видно миллионы километров от Земли здорово набивали цену дешевой бормотухе.

Не хотелось показывать слезы, особенно ему. Спортивная конкуренция закалила Ашеру еще с самой юности, но жесткая борьба была привычней, чем невесомые бабочки в животе. Иногда щекотало так, что невозможно было уснуть.

«Не прикидывайся нежной фиалкой, — сказал Эуридид, когда она пришла к нему в каюту за объяснениями. В этот момент он раздавил всех бабочек, до одной. — Мы оба знаем, что ты звереныш, зверенышем и останешься, сколько бы не признавалась в любви. Что мне с тобой делать?»

"Я не знаю", — честно ответила она.

"Вот и я не знаю. Уходи".

Сколько ему было? Двадцать пять? Тридцать? Эуридид зашел на корабль красивым принцем и за десять лет почти никак не изменился. Всегда оставался молодым, свежим и сдержанно-жестоким.

В тот момент Эуридид спрятал куда-то свое воспитание, о котором так любил говорить, и вынул его только через четыре года, когда у Ашеры отросла-таки грудь. Хорошая грудь, большая, упругая и мягкая, — он так и сказал. "Я всегда рад видеть прекрасных женщин у себя в постели, — Эуридид улыбался масляной улыбкой, за которую она раньше могла убить. — Надеюсь, мы забудем прошлые обиды. Знаешь, время лечит. Я тебе помогу, если захочешь".

К счастью для Ашеры у нее была отличная память и непрощающий характер. Звереныш — она помнила, как он тогда называл ее, пора и ему было вспомнить об этом. Она помогла ему спуститься с лестницы, за что получила четыре дня карцера.

Нэввид утверждал, что он заговоренный. Иначе как можно было объяснить его оголтелую популярность? Эуридид был не единственным богатеньким сынком какого-нибудь магната, прочно засевший своим тощим задом на верхних ярусах.

Это вызывало ещё больше вопросов — зад тощий, лицо бледное, глазки раскосые и черные, как потухшие угольки — что в нем может быть интересного? Нэввид частенько спрашивал Ашеру, что она в нем нашла, но девушка все время огрызалась, уходя от ответа.

«Может быть, потому что кто-то видит в его глазах не порослячьи угольки, а черные агаты», — сказала как-то Ашера, когда он окончательно ее достал.

«Агаты? Да ты смеешься надо мной», — дивился Нэввид, потому что не видел в его глазах ничего, кроме мелких противных бусинок. Ну какие там агаты? Потухшие угольки, если дать ему в глаз, еще и опухнут.

Да и не девчонка он, чтобы видеть в чьих-то глазах драгоценные камни. Нэввид вспорол бы ему живот, если бы ему ничего за это не было. Или он не был бы таким благородным. Ведь он клялся защищать живых до последнего. А Эуридид, вроде как ещё живой... хотя от его естества несло несвежим душком, будто по пути на Марс кто-то сдох. Но пока он ходил на своих двоих, храмовник мог только скалить зубы и устраивать рейды "целомудрия", глядя, как Эуридид крутит пальцем у виска. Иногда собственное благородство тяжким грузом висело на плечах Нэввида.

— Ты уверен, что они пошли именно сюда? — Ашера оглянулась: вокруг стоял привычный полумрак пустых коридоров. Где-то недалеко работала вентиляция, воздух из кухни приносил запахи моря и сырых улиток. За долгое время скитаний он уже не вызывал непереносимой тошноты.

— Эуридид не идиот, чтобы водить своих потаскушек на верхние ярусы, — тихо шептал Нэввид, в тишине его голос звучал, как случайный шорох. Они свернули налево, к шеренге безликих дверей. Одна была похожа на другую, когда-то здесь располагались казармы с одиночными каютами, — Для Элии сойдет что-нибудь и попроще. Марк рассказал все, что выболтала Мелания. Они с Эуридидом кувыркались

целых две недели, и она, кажется, очень обиделась, что он так быстро переключился на другую. Нужно поспешить, пока они не закончили. Я хочу настигнуть колдуна в самый разгар его ритуала.

— Ты слишком быстро приписываешь обыкновенному бабнику сверхъестественные способности.

— Имеешь ввиду, что у него просто хрен большой? Говорят, чем бесполезнее мужчина, тем больше у него достоинство. У него видимо все мозги в низ утекли, раз он ни на что не способен, кроме как девок портить.

— Ну-ну. Ты-то чуть ли не самый полезный человек на этом корабле, забыл? Ну, после Эсхекиаля и капитана, конечно.

— Да я не то имел ввиду, — Нэввид поджал губы, поняв, что невольно закопал сам себя. Поди теперь докажи, что все не так, как он имел ввиду. Чтобы доказать обратное, придется спустить штаны, а ему не хотелось светить своими причиндалами перед подругой. Наверное, она и сама откажется, да ещё отвесит пару плетей по его заднице. — Есть ещё куча инженеров, людей из отдела гидропоники, доктор, в конце концов. Не такой я уж и полезный...

Ашера только хихикнула.

— Вот скажи мне, что такого в этом тощем придурке, что девчонки за него готовы перегрызть друг другу глотки?

— Ты меня достал.

— Скажи, и отстану.

— Деньги, — коротко, но доходчиво ответила Ашера. — У тебя столько нет.

— И прок от этих денег на корабле? Куда почетней иметь силу. Но меня девчонки обходят стороной.

— За твоей спиной нависает страшная тень Эскекиаля, — ответила Ашера. Они были почти на месте. — Такая отобьет любую симпатию. К храмовникам не подойти без его личного благословения, уж лучше смазливое личико Эуридида.

— Значит, все-таки смазливое личико, — Нэввид задумчиво погладил свое угловатое веснушчатое лицо. При таком раскладе шансов у него оставалось не много.

И кто вообще придумал, что при связях с женщинами сила храмовника ослабевает? Откуда Эскекиалю-то знать? Он монах, наверняка, не пробовал женщину много лет и не особо от этого страдает. А вот Нэввиду очень хотелось. В нем бушевали юношеские страсти, и он часто просыпался по ночам от жгучего желания. Парень хотел хотя бы разик, хотя бы одну. Эскекиаль обмолвился как-то, что от одной ничего не будет. Иногда Нэввиду хотелось так сильно, что он готов был взять любую, даже косую Риту с кухни, с глазами, смотрящими в разные стороны и верхней губой больше, чем нижней.

Когда на корабле объявлялся очередной монстр, Нэввид решал подождать еще, боясь неудачно испытать судьбу. В конце концов, что у него останется, если он потеряет силу? Разве что навыки, чтобы занять место где-то среди крас-

ных. Только он привык быть храмовником и чувствовать себя особенным. Но как же всё-таки хочется... иногда до боли в ребрах, и кое-где ещё.

Иногда его посещали совсем лихие мысли: вот доберется до Марса... там храмовников полно, никто и не заметит пропажу одного меча. В такие безумные моменты Нэввид был готов променять силу на один единственный день страсти, или даже на несколько минут, судя по опыту одиноких ночей у себя в каюте.

Потом он одергивал себя: терять силу сейчас никак нельзя. На корабле такая потеря означает много смертей. А вдруг правда? И проснувшись утром рядом с Ритой он не обнаружит в себе силу. Дрянной какой-то расклад. Если уж и менять силу на какую-нибудь девчонку, то пусть она будет хотя бы красивой. А красивые, как назло, бегали за богатыньками с верхних ярусов. Нэввид только начал постигать все грани жизненной несправедливости.

— И где они? — Нэввид остановился посреди коридора с безликими дверьми. Полумрак делал их еще больше похожими друг на друга. Когда-то они двигались, и стены двигались, но теперь все замерло и походило на кривые зеркала в лабиринте заброшенного аттракциона.— В каждую стучаться? Здесь конец нашего участка.

— Не уйдут, — Ашера приложила палец к губам. — Тс-с-с, прислушайся. Не может быть, чтобы Элия все время молчала. Чайка будет кричать на все его миллионы.

И в самом деле — сквозь тишину слух Нэввида уловил протяжные звуки, похожие на крики голодной чайки. Дверь, из которой доносились звуки найти не составило труда. Ашера зажала ключ-карту между пальцами и подмигнула. Электронный замок пискнул. Прочная стальная дверь откатилась в сторону, и внутрь важно ввалился Нэввид, а следом за ним впорхнула Ашера. На постели, во мраке, охнула женщина. Нэввид сразу же прошел вглубь каюты, не без любопытства отодвинув ящик тумбы, стоящей около кровати и взглянул внутрь. Он шарил взглядом по кромешной темноте, изображая бурную деловую деятельность. Храмовникам некогда заниматься ерундой, у них каждая секунда на счету. Конечно же, он ничего не видел.

— Именем закона, — сказал он с видом еще более важным, чем входил.

Ашера шлепнула клеящийся фонарик на стену прямо напротив кровати и включила его на полную мощность. Элия взвизгнула, когда ее ослепило ярким светом, делающим все тайное явным. Она была абсолютно нага.

— Что это все значит?! — Эуридид успел свалиться с Элии, прикрыв одеялом причинное место. — Я расскажу капитану...

— ...как ты препятствовал проведению рейда, — ничуть не смутился Нэввид. — Недавно мы победили плесень, поэтому сейчас приходится смотреть в оба. Эсхекиаль сказал проверить каждый уголок, даже если он находится между ног

твоей очередной девки.

— Он так и сказал?

— Очень похоже.

— И начали вы с этой каюты, — Эуридид не спрашивал.

Он был злым.

— Храмовнику виднее, откуда ему начинать, — усмехнулся Нэввид, устанавливая анализатор в угол — на тумбу. Помещение наполнилось тихим свистом, ползущим по стенам крохотной каюты.

Жесткая кровать, тумба, отхожее место, экран информирования и выдвижная полка для казенной формы — вот и все, что требовалось генетически модифицированному солдату в путешествиях от войны до войны. Отличное место, чтобы водить сюда девчонок и не задерживаться дольше, чем им хотелось бы.

Элия, стройная девушка с большими темными глазами уселась посреди кровати. Эуридид был совершенно гол, как и девушка, однако та натянула одеяло по грудь, он же обошелся только уголком и своими ладонями. Казалось, своей наготы он совсем не стеснялся. Мужчина был строен, но не худ, в блестящих раскосых глазах читалась нахальность. Копна черных волос падала на бледный лоб, подчеркивая мелкие, гладкие, и до тошноты правильные черты лица. Сколько бы ненависти не клокотало сейчас в Ашере, она все равно пялилась на него, ловя мимолетный взгляд черных агатовых глаз. Нэввиду не нравились эти гляделки, он погла-

дил свое угловатое лицо, поймав себя на мысли, что с ним так никто никогда не играл.

— Развлекаетесь, — холодно произнес Эуридид. — Чтобы обнаружить аномалию, хватит и одного храмовника. Ты-то зачем здесь, Ашера?

— Ух ты, — Нэввид вытащил из тумбы пузырек с зеленоватой жидкостью. — Абсент? А капитан Анман в курсе, как ты эксплуатируешь ресурсы корабля?

— Отдай! — Эуридид подался вперед, Ашера толкнула его, и он упал на спину, прямо на кровать.

— Вот поэтому я здесь, — Ашера улыбнулась белозубой улыбкой.

Эуридид нащупал на кровати белье и принялся его натягивать:

— Придурки.

Нэввид шарил ладонями по углам. Видимо, он и вправду намеревался что-то найти. Эуридид провожал его сосредоточенные движения медленным взглядом.

— Долго еще?

— А что, хочешь продолжить? — Ашера сжала-разжала кулаки. — Неужто желание не отпало?

— Смыться отсюда и доставить вам удовольствие? — Эуридид плюхнулся на кровать, подперев голову ладонью. — Ну уж нет. Не стану я играть по правилам обделенных судьбой храмовников и их льстивых подпевал. Предпочитаю проводить время в обществе красивых женщин. На этом ко-

рабле не так-то много стоящих вещей, знаешь ли.

— Как поэтично, — фырнула Ашера.

— Это называется эстетическое восприятие. Оно формируется в приличном обществе, где утонченные вкусы ценятся больше, чем умение бить по морде. Воспитание, знаешь ли, с неба не падает. Нужно приложить для этого усилия. Советую тебе попробовать.

Если бы Ашера дала потрогать свою грудь, когда он просил, у Эуридида бы не возникло вопросов к ее воспитанию. Видимо, полет с лестницы заставил сделать переоценку ценностей, по крайней мере, в отношении нее.

— Не хочешь заехать ему по роже? — обратилась она к Элии, взглянув на нее сердитым ореховым взглядом. — Он назвал тебя вещью.

— Стоящей вещью, — уточнила Элия.

Эуридид сложил ехидную ухмылку.

— Чуть что — сразу в морду. Я же говорил.

— А ну-ка встань, — Нэввид не мог себе позволить, чтобы мерзкая ухмылочка превратилась в полноценную улыбку. — Встань говорю, и к стене. Ноги на ширине плеч.

— Что такое? — Эуридид встал, Нэввид прижал его к стене и хлопнул большой пятерней по плечу. — Тебя не смущает моя нагота?

— Ничуть.

— Я вообще-то по девочкам. В любом случае, ты не в моем вкусе, если бы даже был бабой. Извини, но ты не по ад-

ресу.

— Заткнись, — Нэввид демонстративно шарил по бокам Эридида, будто хотел выпустить ему кишки. Громкие шлепки по коже глухим шорохом гуляли по коридорам. — Монстры могут налипнуть куда-нибудь, а ты даже этого не заметишь. По крайней мере до того момента, как они спустят с тебя шкуру. Опомнись не успеешь, как от тебя останутся одни кости.

— И ты решил сделать это за них? — Эуридид хотел бы пошевелиться, но не мог. У Нэвида были великолепные навыки удержания противника. Он бил каждый раз, когда тот уходил в сторону.

— Не тебе судить о методах храмовников. Лучше помолчи и послушай. Когда мне только исполнилось четырнадцать, мы пролетали мимо Сатурна с мега-аномалией осколочного типа. Вот оттуда лезли медузы, которые просто обожали забираться под кожу и поедать жертву изнутри. Иногда они забирались в естественные отверстия, чтобы было легче добраться до кишок.

— Пока что в естественные отверстия пытаешься забраться только ты.

Нэввид дал ему оплеуху, и Эуридид замолчал. Ничего, слушался бы с самого начала, не схлопотал бы, как последний дурак.

— Тогда еще были живы курицы и домашние животные, — продолжил Нэввид. — После этого случая, как ты по-

нял, живности на корабле не осталось. Жертв находили вы-
потрошенными дочиста, с очень аккуратной шкуркой, почти
нетронутой. Среди них бывали и люди.

— Что-то не припоминаю такого.

— Просто у тебя был очередной запой. Так вот. Одни
очень тупые медузы повадились нападать на меня, когда я
ходил в рейды по нижним ярусам. Хотели сожрать меня и
выбросить шкурку, — Нэввид усмехнулся. — Но не тут-то
было. Я сам посмотрел, что за кишки у них под маслянистой
шляпкой. Я сдирал их с себя и разрывал пополам. Голыми
руками, между прочим. Тогда я еще не умел пользоваться
мечом как следует. Это был мой первый подвиг. Второй...

— Я вижу, ты собрался меня пытаться.

— Я только заполняю твои пробелы. Расскажешь потом
обо мне на Марсе, за бокалом игристого шампанского.

— Все, что я могу о тебе рассказать — что ты непробива-
емый идиот. Нет, даже не так. Непробиваемый хвастливый
идиот.

— Заканчивайте спектакль, ребят, — Элия умоляюще за-
катила глаза к потолку. — Так сложно свыкнуться с мыслью,
что я ему понравилась?

— Именно поэтому он привел тебя сюда, а не на верхние
ярусы, где проживает его мать, — Ашера явно была не в ду-
хе. — Хотя там побывали уже и Беатрис, и Мелани. Если не
изменяет память, Айша тоже поднималась в его комнату.

Нэввид отбил Эуридиду все, что было дозволено и нако-

нец отстал.

— Это правда? — Элия подскочила к краю кровати, пнув Эуридида пяткой в колено, тот колыхнулся, но остался невозмутим.

— Да-да, от него никакой пользы, кроме того, что девок портить, — пробубнил Нэввид.

— Ты очень сильно преувеличиваешь, — Эуридид улыбнулся несмотря на боль в левом боку. Удар у Нэввида стальной, не зря он обнимает ладонью рукоять меча чаще, чем свое достоинство. Хотя, кто его знает... — Большинство девчонок попало ко мне уже порченными. Не знаю, когда это случилось... когда они достигли совершеннолетия, или узнали, что у мальчиков бывает член. Или когда Эсхекиаль отвернулся... но к порче я точно не причастен. Не каждая вещь стоит своих денег.

— Беспольный кусок де...

— А ты? — Эуридид уселся на краю постели, положив локти на колени и сцепив пальцы. — Какая от тебя польза? Охраняешь от меня абсент? Какой хищный взгляд... я не трахал тебя на этой кровати, Аши, чтобы ты имела право на меня так смотреть. Я слышал, ты висела на балках, когда плесень пожирала Эрнеста. Он умер, а ты жива. Повезло так повезло. Или кто-то запомнил спуститься?

— Не называй меня Аши. Никогда.

Сегодня ночью Ашере снился Эрнест. Он пришел к ней без лица, с одним большим ртом посреди кровавого меси-

ва. Похожий на широкую щель, вырубленную посередине тупым топориком для мяса, рот открывался и закрывался, изрыгая укоризненные стоны. Ашера лежала на кровати, прикованная сном к простыне, и не могла пошевелиться. Казалось, еще шаг и Эрнест поглотит ее, совершенно заслуженно — она так и не спустилась вниз, не помогла. Стоя около кровати, боец молча взирал на нее, неспособный согнуть шею и показать оплывшее лицо, но она знала, что его взгляд полон укора.

«Это был приказ!» — кричала она Эрнесту, когда ему оставался один шаг до кровати.

Это был приказ Эсхекиаль сказал забраться наверх и не спускаться вниз Ашера повторяла эти слова вновь и вновь, словно выстраивала перед собой стену, но стоны безликого призрака рушили любую защиту. Девушка внезапно проснулась, ощущая на коже липкий морок страшного забытья.

— Это был приказ, — повторила Ашера вслух глухим голосом.

Нащупав больное, Эуридид уже набрал воздух в лёгкие, чтобы ляпнуть что-нибудь эдакое, как Нэввид навис над ним рыже-веснушчатой скалой:

— Да уж, заварушка была что надо, — весело проговорил он. — Они все отведали моего меча. Знаешь, как там было страшно?

— Нет, — скривился Эуридид. — Полагаю, ты единственный кто не испугался? Из всех храмовников на корабле толь-

ко ты самый хвастливый.

— Самый правдивый, ты хотел сказать, — рассмеявшись, поправил его Нэввид. — Просто моя храбрость не укладывается у тебя в голове. Один трусливый трус считает мои рассказы выдумкой, между тем как это совершеннейшая правда. Плесень похоронила меня под грудой смердящей плоти, но я смог выбраться.

— Можешь забрать мой абсент в качестве награды. За твою храбрость.

— Я угадываю в твоих словах насмешку, — отвечал Нэввид.

— Она там есть.

— И все же, мне было страшно, — продолжал Нэввид. — Да-да, даже доблестные храмовники иногда испытывают страх. Ашера подсвечивала сверху, без ее помощи нас сожрали бы раньше, чем Эскекиаль выжег гнездо. Тогда мне точно пришел бы конец. Это был приказ — Ашера сказала правду.

— Ты признал, что испугался — мне тебе похлопать? Я уже отдал вам, придуркам, свой абсент. Больше у меня ничего нет. С собой

— Я не просто испугался, — важно произнес Нэввид. — Бери больше. Я обмочился. Думаю, это было неизбежно.

— И ты вот так просто об этом говоришь? — поразился Эуридид. — Не боишься, что над тобой будет смеяться весь корабль? Если я расскажу всем.

Нэввид только рассмеялся. Мочиться от храбрости почетно. Это знали все, кто доходил до второй двери.

— Заметано, — сказал он, вынул из ножен длинный меч и развернул его на ладони, настолько быстро и удивительно легко, что Эуридид отшатнулся. Нэввид ткнул холодной рукоятью ему в грудь. — Но только после того, как ты сам возьмёшь меч в свои руки и попробуешь помахать им у морды какого-нибудь монстра.

Ашера легонько улыбнулась — и все же какие некрепкие нервишки были у этого любителя посмотреть, что находится под женскими юбками.

— Убери от меня эту железяку, — Эуридид махнул рукой, отбросив от себя меч.

Нэввид как ни в чем ни бывало, с той же легкостью развернул меч рукоятью к себе, схватил гарду и вогнал клинок в ножны:

— Кстати, смотри, — он показал испачканную чернотой белую пятерню.

— Что это?

— Нашел за тумбой, стелилась по левому углу, вверх по стене. Следовало бы включить свет, прежде чем тащить Элию в постель.

— Да пошли вы, — Эуридид начал собираться наспех. — Я сваливаю.

Свалил он тут же, заскочив в штаны гораздо быстрее, чем в белье.

— Трус, — брезгливо фыркнула Ашера ему вдогонку.

— Эскекиаль выжег гнездо. Эта плесень должна быть мертвой, — разочарованно сказала Элия, тоже начав одеваться. Остаться голой теперь бесполезно.

— Совершенно верно, она полностью и безоговорочно мертвая, — подтвердил Нэввид, отирая плесень о штаны.

— Могли бы ему сказать, — проворчала Элия, обнажив грудь. Нэввид рефлекторно отвернулся, хотя пожалел об этом уже через мгновение. Повернуться вновь ему не позволило благородство. — Хотя он мог бы сам догадаться. Эуридид не любит идти против течения. Любая трудность, и он срывается с крючка. Если вам на него плевать, подумали бы хоть обо мне. На этом корабле все дается с большим трудом. У меня нет ни навыков, ни желания ломать кости, а вот есть хочется каждый день.

— Ты прекрасно кормишься через другие навыки, — съязвила Ашера.

— Вот скажи мне, Элия, — Нэввид стоял к девушке спиной. — Почему он, почему не я?

— На корабле очень много мужчин, есть из чего выбрать, — Элия не стала строить из себя дурочку. Она добралась до потрепанной юбки и слезла с кровати. — Вы сами виноваты, что спасали прежде всего себя. Когда «Гофор-3» только взлетал, эти твари выбирали самую легкую добычу. Которая не может убежать, или не может сопротивляться. Карл зарубил аварийным топором большую хитиновую гадину, ко-

гда Эсхекиаль ее проявил. Монстры это увидели и, видимо, решили, что еда не очень-то хочет умирать. Они отстали от него, и переключились на других. На меня на девушку в желтой кофточке. Знаешь, такое гадкое чувство, когда знаешь, что нужно бежать, но не можешь, потому что тело парализовало от страха. Мы просто растерялись. Мне удалось спастись потому что помог Эсхекиаль. А ту девчонку догнали. Мужчины спасали самих себя, а не женщин, теперь им приходится за это расплачиваться. Пусть выворачиваются наизнанку, или трахают друг друга. А мы вольны выбирать.

— Мне тогда было восемь, — сказал Нэввид с обидой.

— Ну хорошо, — согласилась Элия, — Угости меня абсентом, — она протянула руку.

Нэввид поколебался немного, но все же спрятал пузырек с жидкостью за пазуху:

— Не могу. Это конфискованная вещь. Мне нужно будет сдать ее в отдел гидропоники и доложить Проявителю, — парень сделал небольшую паузу. — Извини

Элия рассмеялась.

— Вот видишь. Ты слишком правильный. Поди, обо всем Эсхекиалю докладываешь? Ни кусочка, ни глоточка лишнего не сделаешь. Что с тебя можно поиметь? От такого мужчины не дождешься хороших подарков, а Эуридид балует тех, кто с ним спит.

— Мы дрейфуем в космосе на корабле шлюх, — едко заметила Ашера, подняв фиолетовую кофточку с пола.

Элия оскорбилась, вырвав вещь из рук темнокожей девушки:

— А это еще не все. С Эуридидом просто. Он не парит мозг всей этой романтической чушью и я всегда знаю, где он находится. На верхнем ярусе, среди роскоши и вина. А Нэввид может быть где угодно, а может и не быть. Храмовники вечно где-то пропадают, выполняя приказы Проявителя. Этот русский считает, что они его собственность.

— Быть под кураторством Проявителя — почетно, — прошептал Нэввид. Он стал тихим сразу, когда Элия заговорила.

— Именно, — фыркнула Элия. — Вы бросаетесь в пекло сразу, как только он прикажет. Вместо Эрнеста мог быть ты. Альберт умер в прошлом году, когда его загрызла какая-то химера у распределительного отсека, на его теле были раны размером с мой локоть, а Норман скончался две недели назад. Все из-за плесени. Какой смысл заводить отношения с храмовником, если сегодня-завтра его не станет? Рано или поздно это все равно случится. Ты смертник, Нэввид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.